

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей

АЗБУКА-КЛАССИКА

Николай Александрович Лейкин
Наши за границей.
Юмористическое описание
поездки супругов Николая
Ивановича и Глафиры
Семеновны Ивановых
в Париж и обратно
Серия «Азбука-классика»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551866

*Николай Лейкин. Наши за границей : Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2023
ISBN 978-5-389-23863-3*

Аннотация

Николай Александрович Лейкин – в свое время известный петербургский писатель-юморист, журналист, издатель. Его популярность была колоссальной: «эпохой Александра III и писателя Лейкина» назвал конец XIX века поэт А. Блок. Лейкин начал печататься в 1860-х годах, обратив на себя

внимание очерками из купеческого быта. С начала 1870-х годов он стал постоянным сотрудником «Петербургской газеты», куда почти ежедневно писал небольшие рассказы-сценки. С 1882 года Лейкин уже издавал собственный журнал – юмористический еженедельник «Осколки», к сотрудничеству в котором привлек молодого Антона Чехова, раскрыв его талант (позднее Чехов назовет Лейкина своим «крестным батькой» в литературе). Книга «Наши за границей» – одно из самых известных произведений Лейкина, только при жизни автора книга выдержала 24 издания! Это веселое повествование о поездке купца Николая Ивановича Иванова и его жены Глафиры Семеновны во Францию – на знаменитую Всемирную выставку в Париже, для которой была построена Эйфелева башня. По дороге героев ждут забавные приключения и всевозможные недоразумения. Лейкинский мягкий юмор по отношению к соотечественникам, отправившимся мир посмотреть и себя показать, и сегодня не утратил актуальности.

Содержание

Труды и дни Николая Александровича Лейкина	7
Наши за границей	32
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Николай Лейкин
Наши за границей:
Юмористическое
описание поездки супругов
Николая Ивановича
и Глафиры
Семеновны Ивановых
в Париж и обратно

© А. Д. Степанов, статья, комментарии, 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Ат-тикус“», 202

Издательство Азбука®

* * *

Николай Александрович
ЛЕЙКИН
1841–1906

Труды и дни Николая Александровича Лейкина

У писателя Иеронима Иеронимовича Ясинского есть такие воспоминания:

«Однажды в конце семидесятых годов я зашел в магазин готового платья в Гостином дворе. Приказчик стал бросать на прилавок пиджаки, чтобы я выбрал.

– Тут мокро, – сказал я, – вы испачкаете товар.

– Не очень мокро-с, – отвечал приказчик с улыбкой, – сладкий кружочек от стакана чая. Это господин Лейкин изволили пить чай, так мы из уважения к их посещению не стираем. Уже обсохло! – И он провел рукой по кружку.

– Почему же такое уважение к Лейкину? А я, правду сказать, не читал еще этого писателя.

– Как можно; вы извольте прочитайте, очень смешно и убедительно пишет... Прогрессивный писатель, на каламбурном амплуа собаку съели, первоклассный сатирик, смело можно аттестовать.

– Помилуйте, вроде Щедрина?

– Не слыхали-с; с нас господина Лейкина достаточно. Каждый день читаем только господина Лейкина».

В конце XIX века популярность Лейкина была колоссальной. Его читали все грамотные люди, и в том числе те, кто

обычно читает мало или вовсе ничего не читает: купцы и купеческие приказчики, мелкие канцелярские служащие, провинциальные актеры, полицейские надзиратели, горничные, фабричные, деревенские грамотеи – все, кто желал приятно провести время. Сборник рассказов Лейкина можно было увидеть на журнальном столике в приемной врача, в читальне дворянского клуба, на даче под Петербургом, на полке в общественной библиотеке, на прилавке любого книжного магазина и на стойке железнодорожного киоска. Секрет успеха был прост: Лейкин правдиво, со всеми бытовыми подробностями описывал читателю его самого, его семью и соседей. В качестве персонажей в его коротких рассказах выступали те самые «господа обыватели», которые покупали его книги, а изображенные ситуации всегда были им до боли знакомы. Он запечатлел настолько всеобъемлющую картину 1880–1890-х годов, что Александр Блок назвал это время «эпохой Александра III и писателя Лейкина».

Такой подход к литературе как к зеркалу обычной жизни – бытописание – требовал немалого жизненного опыта, и у Лейкина он был.

Николай Александрович – коренной петербуржец, гордившийся тем, что в городе на Неве родился не только он сам (7 декабря 1841 года), но и его отец и даже дед, и только прадед был «из ораниенбаумских купцов». В столице писатель прожил всю жизнь, здесь выходили журналы и газеты, в которых он сотрудничал, здесь протекала его многогран-

ная общественная деятельность, здесь он скончался 6 января 1906 года на 65-м году жизни.

По рождению Лейкин принадлежал к старинному купеческому роду, внесенному в книги петербургской купеческой управы еще в 1784 году. «Прадед мой был пирожного торга, дед – галантерейного торга... имел лавку в Гостином дворе и сильно пострадал во время наводнения 1824 года», – вспоминал писатель. Купечество в XIX веке делили на «полированное» и «неполированное» – то есть получившее некоторое образование или обходившееся без него. И предки Лейкина, и он сам были, безусловно, купцами «полированными»: дед писателя, по воспоминаниям внука, был человек «прилично грамотный, носил фрак, служил по выбору в сиротском суде и состоял даже членом Немецкого клуба, куда ходил очень часто играть в карты». Отец, Александр Иванович, унаследовав на паях с братьями лавку в Гостином дворе, вскоре разорился и поступил приказчиком в иностранную торговую фирму Герике. Служащие таких фирм считались в купеческой среде аристократами.

Жили Лейкины на Владимирской улице (ныне одноименный проспект), недалеко от церкви Владимирской иконы Божьей Матери, прихожанами которой они были; подростком Николай пел там на клиросе. В 1840-е годы этот район еще не был застроен многоэтажными домами, тут встречались огороды, пруды и березовые рощи. Небогатая семья долгие годы не могла себе позволить снять дачу, и летом выезжа-

ли «на природу» – на Крестовский остров или в Екатеринбург. Журналов и газет купечество не выписывало, и первая встреча Коли Лейкина с литературой произошла в театре: на Рождество смотрели мелодраму Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока». «Пьеса произвела на меня такое впечатление, – вспоминал писатель, – что я не спал ночь, бредил, крича о пожаре, а наутро сейчас же сам стал устраивать в детской сцену». Он сам отмечал у себя особое качество: желание подражать всему «артистическому» – актерам, циркачам, фокусникам. Наверное, это свойство и пробудило у него интерес к литературе, хотя книг в доме не было. Впрочем, иногда по вечерам отец и дядя читали вслух «Евгения Онегина», «Горе от ума» и «Мертвые души» – по рукописным копиям, потому что «печатные экземпляры были тогда очень редки».

Читать Лейкин научился восьми лет; первым текстом, который он прочел, была вывеска купеческой лавки на соседней Колокольной улице. Первоначальное образование получал дома: Николая и его братьев и сестер учила мать, женщина строгая и богомольная, происходившая из крепостных крестьян (некоторые эпизоды ее судьбы он опишет в повести «Две неволи»). Чтобы поощрить старшего сына к учению, она пообещала ему в случае хороших успехов купить то, о чем ребенок страстно мечтал, – «картонный театр с опускающимися и поднимающимися декорациями и актерами на подставках». Был и другой стимул: ленивых и непослушных

детей в семье нещадно пороли.

Систематическое образование будущий писатель начал получать с девяти лет в пансионе супругов Беляевых, располагавшемся на той же Владимирской улице. Там учили всем предметам начальной школы, а также языкам – немецкому и французскому. На этом образование должно было закончиться: дальше путь купеческого сына обычно лежал в Коммерческое училище, но семья Лейкиных не могла это себе позволить. Однако отец и дядя, служившие в иностранных фирмах, все же решили, что Николай должен продолжить учебу. Главным в образовании они считали знание иностранных языков: «Отец очень часто говорил, что товарищ его бухгалтер, знающий по-немецки и по-французски, получает вдвое больше его, а работы у него менее». Старшего сына Лейкин-старший отдал в немецкое Реформатское училище, находившееся на Мойке, напротив здания Главного штаба. Плата в этом учреждении была посильной – 60 рублей в год, а обучение шло на немецком языке, за исключением Закона Божия и российской истории. Поначалу Николаю, почти не знавшему языка, да к тому же сильно заикавшемуся, приходилось нелегко. Суровые порядки – зубрежку и регулярные экзекуции – Лейкин впоследствии описал в очерке «Учебный день в немецкой школе». Русский язык преподавали из рук вон плохо, а на уроках литературы не рассказывали даже о Пушкине, Грибоедове и Гоголе. Однако, после того как сурового немца-инспектора сменил либераль-

ный француз Давид Марго, «повеяло новым духом, свежим воздухом» и обучение пошло на лад. Учеников начали знакомить с литературой последних десятилетий. Под руководством Марго Лейкин быстро освоил французский. Помимо двух основных языков, он занимался также английским и латинским за особую плату. Для домашних спектаклей в доме Марго Лейкин впервые попробовал себя в качестве писателя – написал «какую-то пьесу на немецком языке».

Впрочем, настоящим увлечением юного Лейкина была не литература, а зоология, и в особенности энтомология. Летом на даче, которую семья стала снимать сперва на Карповке, а потом в Лесном, Николай с интересом занялся собиранием бабочек – научился их «расправлять, сохранять, определять», выучил названия на русском, немецком и латинском языках – и превратился в настоящего энтомолога и коллекционера.

Несмотря на слабые успехи в естественных науках и, как ни странно, в русском языке, училище Лейкин окончил благополучно: в 1859 году он был выпущен с правом поступления на государственную службу на первый классный чин. Однако в семейные планы департаментская служба Николая не входила. В жизни Лейкиных к тому времени произошли существенные изменения. Глава семейства был уволен из иностранной фирмы, где прослужил много лет. Это изгнание пошло ему на пользу: он сумел открыть собственную мелкооптовую торговлю в Гостином дворе и даже разбога-

тел (как потом оказалось, ненадолго). Гордость за сына – выпускника Реформатского училища – совмещалась у Александра Ивановича с практическими планами: «Теперь у меня свой немец и француз. Корреспонденцию с иностранными домами будет уж он вести».

Николая отдали «в торговую науку» – конторщиком в отцовскую лавку-склад на верхней галерее Гостиного двора. Здесь будущий писатель обнаружил, что семейное дело запущено и находится в глубоком застое. Торговля не шла, делать в конторе было по большей части нечего, и, чтобы занять время, Николай пристрастился к чтению. Его коллега-приказчик по фамилии Поляков оказался страстным любителем литературы, собравшим целую библиотеку беллетристики. «Поляков посадил меня на романы Дюма-отца и Евгения Сю», – вспоминал Лейкин. Постепенно от популярной литературы юноша перешел к серьезным, «толстым» журналам, полюбил посещать книжные лавки, познакомился с библиофилами и знатоками отечественной литературы, а там и с писателями. Его близким другом стал неудачливый купец-суконщик из соседнего Апраксина двора и в то же время начинающий поэт Алексей Федорович Иванов, прозванный Классиком за пристрастие к русской литературе. Возвращаясь после службы из Гостиного двора на Владимирскую улицу, Лейкин проходил по Чернышеву переулку (ныне ул. Ломоносова) и подолгу задерживался в лавке Иванова, где собирались литераторы: актер Александринского театра, поэт и

драматург Гавриил Жулёв, поэт Николай Кроль, начинающий прозаик Василий Немирович-Данченко. Вся эта молодежь «много читала, увлекалась литературой, следила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовым и Чернышевским».

«Знакомство мое с Ивановым подвинуло меня на писательство. Много читая, я и сам попробовал писать». Начал Лейкин со стихов, подражая поэтам некрасовской школы (их называли поэтами «гражданской скорби»), но его сочинений никто не хотел печатать. После долгих мытарств 13 апреля 1860 года Лейкину все-таки удалось напечатать в журнале «Русский мир» стихотворение «Кольцо». Он был безмерно счастлив, хотя его восторгов почти никто не разделял, а написанные следом стихи снова никто не хотел брать. «Кольцо» так и осталось единственным опубликованным поэтическим произведением Лейкина. Неунывающий автор взялся за прозу, подражая популярному в те годы Евгению Гребенке (которого, в свою очередь, многие считали эпигоном Гоголя). Однако вскоре эти опыты пришлось бросить: семью постигло разорение. Отец не смог расплатиться с кредиторами, полиция наложила печати на лавку, выпроводив оттуда «читателей» – Полякова и Лейкина-младшего, а также на все домашнее имущество семейства несостоятельного должника. Пришлось идти «в люди»: Николай устроился приказчиком все в том же Гостином дворе – в оптовую галантерейную лавку швейцарца Франца Боненблуста, на первое вре-

мя без жалованья, по распространенному в те годы у купцов принципу «чего стоить будет – там увидим». На новом месте дел оказалось тоже не слишком много, и Лейкин продолжил заниматься чтением, всякий раз пряча книгу при приближении хозяина.

По вечерам он писал очерки «Апраксинцы» – из жизни купеческих приказчиков, с которыми служил бок о бок. Это произведение автор сочинял долго, два года, многократно переделывая; сами приказчики, узнав, что Коля «пописывает», приходили рассказывать ему о своем житье-бытье. Дебютное произведение Лейкина-прозаика ставило целью показать, «в каком рабском состоянии находились тогда лавочные приказчики у своих хозяев». Крепостное право было уже отменено, но в повседневной жизни оно продолжало сохраняться: владельцы торговых фирм не заключали никаких письменных договоров со своими служащими; платили приказчикам столько, сколько посчитает нужным хозяин; жили они тут же, в складских помещениях; жениться им не разрешалось; деньги на руки не выдавались, а только записывались в особую книгу; не позволялось иметь даже карманных денег – всякий раз мелочь приходилось выпрашивать у хозяина; при увольнении могли вовсе ничего не заплатить; в лавке полагалось находиться ежедневно с раннего утра до позднего вечера, а отворялась эта тюрьма только «в первый день Пасхи и в первый день Рождества да до обеда в Троицу и в Новый год». Самая выразительная сцена лейкиных

очерков – загул, в который пускаются на Рождество вырвавшиеся на свободу, единственный раз в году, приказчики.

Еще до выхода «Апраксинцев» (в 1863 году) Лейкин постепенно втянулся в журнальную работу: стал регулярно публиковать рассказы в маленьких журнальчиках, обычно недолговечных и не плативших никакого гонорара. О более серьезных изданиях он и не мечтал: «Толстых журналов я боялся. Попасть в них тогда сотрудником казалось мне недосягаемым...» Осуществляя детскую мечту о театре, он начал в эти годы играть в любительских спектаклях. Впоследствии Николай Александрович часто выступал на любительских сценах в петербургских клубах; неизменный успех он имел в ролях купцов. Попытки соперничать с Островским – написать серьезную драму из купеческого быта – оказывались неудачными, зато неоднократно ставились в Александринском и других театрах его шуточные одноактные пьесы.

В это же время Лейкин сблизился с сотрудниками иллюстрированного сатирического журнала «Искра»: братьями-поэтами Василием и Николаем Курочкиными, карикатуристом Николаем Степановым, фельетонистом Михаилом Стопановским и другими. Этот демократический по своему направлению журнал был чрезвычайно популярен: по свидетельству Лейкина, его читали и друзья, и враги. Небольшие рассказы Лейкина начинают появляться и в чисто юмористических изданиях – журналах «Заноза» и «Будильник».

«Апраксинцы», опубликованные в «толстом» журнале

«Библиотека для чтения» (им руководил в те годы П. Д. Боборыкин), имели двойственный эффект. С одной стороны, Лейкину не давали проходу узнававшие себя купцы: «Клеветой на своего брата торговца стали заниматься? Ловко! Зачем же тогда вы по торговле служите, если свое сословие мараєте?» – слышал он постоянно. Хозяин – швейцарец Боненблюст – предложил Николаю поискать другое место для службы. С другой стороны, Лейкина заметили в «большой» литературе: сначала появилось несколько благожелательных рецензий, а в начале 1864 года в дверь квартиры Лейкиных позвонил «высокий господин в шубе и шляпе, с черными небольшими бакенбардами». Он представился: «Я – Салтыков... писатель Салтыков... Щедрин... Приехал от Некрасова переговорить с вами».

Лейкина пригласили в «Современник»! «Помню, что на глазах моих были слезы радости. Они мешали мне говорить», – вспоминал писатель.

В «Современнике» был напечатан второй большой лейкинский текст – «Биржевые артельщики», повесть из жизни портовых грузчиков Петербургского порта (располагавшегося в те годы на Васильевском острове). Артельщики пользовались славой надежных работников: «В Питере этому званию, от биржевых артельщиков, усвоено особое значение доверенного и ответственного служителя», – писал в своем «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даль. Эти работники – крестьяне, подавшиеся в город на заработ-

ки, – собирались в добровольные объединения-артели, представлявшие собой своего рода самоорганизованные ячейки, построенные на принципах социализма: здесь справедливо распределяли доходы, предоставляли социальную защиту и решали важные вопросы «миром», то есть демократическим путем. Такое перенесение законов русской крестьянской общины в город в те годы многим казалось очень важным залогом будущего особого русского пути. Впрочем, Лейкин был больше внимательным наблюдателем, чем социологом, и в этой повести не столько анализировал перспективные стороны общинного социализма, сколько рассказывал драматичную историю любви.

«Артельщиков» одобрил Н. А. Некрасов: «У вас хорошо выходит: вы знаете тот быт, из которого пишете». Однако была у редактора «Современника» и претензия к Лейкину: «У вас добродушно все выходит. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше». Этому совету Лейкин не последовал: добродушный юмор всегда был ему ближе, чем острая сатира, хотя в его ранних текстах встречаются даже трагические сюжеты.

С 1872 года Николай Александрович начал постоянно работать в «Петербургской газете», владельцем которой незадолго до этого стал бывший гусарский офицер и известный в Петербурге балетоман Сергей Николаевич Худеков. Новый хозяин подобрал талантливых сотрудников, и вскоре прозябавшее до тех пор издание набрало популярность (в даль-

нейшем Худеков станет миллионером и создателем знаменитого Сочинского дендрария). Многие считали, что именно Лейкин сделал «Петербургскую газету» любимейшим чтением широкой публики; его сотрудничество с ней продолжалось без перерыва в течение 33 лет. В середине 1880-х годов именно он привел в это издание Чехова, опубликовавшего там около 40 рассказов. Сам Лейкин печатался практически в каждом номере газеты, выходившей сначала четыре, потом пять раз в неделю, а с 1882 года – ежедневно. Это повлекло за собой изменения в его манере письма: вместо сравнительно длинных очерков он стал писать маленькие «летучие заметки», имевшие ярко выраженный юмористический характер. Впрочем, и сам писатель, и многие его читатели полагали, что он вовсе не окарикатурирует действительность, а «списывает с натуры».

В 1881 году Лейкин приобрел (на паях с типографом Р. Р. Голике) еженедельный петербургский журнал «Осколки», который и редактировал до конца жизни, печатаясь в каждом номере. Поначалу писателю хотелось возродить традиции сатирической «Искры», но времена, наступившие после убийства царя, были неблагоприятны для социальной сатиры. Приходилось ограничиваться беззлобным юмором. Тем не менее на протяжении всех 25 лет редактирования «Осколков» Лейкин непрерывно боролся с цензурой. Цензурным вопросам посвящено большинство писем из его хорошо сохранившейся переписки с сотрудниками. Лейкин

обычно сообщал об очередном «погроме» со стороны цензуры: «Сегодня, – сообщал он в одном из писем А. П. Чехову в 1885 году, – на „Осколки“ обрушился сильный цензорский погром. Погиб большой мой рассказ из раскольнического быта, где выставлен тип старика-беспоповца – начетчика, погибли два стихотворения Трефолева, половина стихотворения Пальмина, пол-обозрения петербургской жизни Билибина и несколько строк из Ваших последних мелочишек. Словно Мамай прошел!» Дело доходило до того, что в редакцию поступало несколько вариантов одного произведения, рассчитанных на разную степень цензорского рвения. Так, поэт Лиодор Пальмин, присылая в «Осколки» очередное стихотворение, писал: «Во второй строке с начала вместо слов: „И дутой славою“, если бы тут нашли намек на недавно умершего Скобелева, можно сказать: „И громкой славою“». В другом письме он же выражал опасения: «Относительно цензуры я боюсь за строку „Под игом сумрачного гнета...“ Если что окажется нецензурным, то как-нибудь переделайте. Например: „Где мрака, зла и лжи работа“». Лейкин не только следовал этим советам, но часто и по собственной инициативе переделывал потенциально «непроходимые» строчки.

Издателю подцензурного еженедельника нельзя было рисковать, и поэтому идею новой «Искры» пришлось оставить. Постепенно лейкинский журнал превращался во вполне благодушное буржуазное издание: без конца варьировал тему

невежества «неполированного» купечества, писал о подвигах безудержных купеческих сынков («саврасов без узды», как называл их Лейкин), представлял сценки, связанные с календарными праздниками, и водевильные сцены из дачного быта, смеялся над мужьями-подкаблучниками и склочными тещами. Такая редакционная политика в эпоху реакции давала свои плоды: тиражи и подписка «Осколков» росли как на дрожжах, а Лейкин становился успешным литературным предпринимателем.

Писал он непрерывно, не зная ни отдыха, ни кризисов, ни «мук слова». Накопившиеся рассказы собирал в сборники, давая им выразительные названия: «Наши забавники» (1879), «Саврасы без узды» (1880), «Медные лбы» (1880), «Гуси лапчатые» (1881), «Теплые ребята» (1882), «Караси и щуки» (1883) и мн. др.

Хотя сам Николай Александрович именовал себя «маленьким Щедриным», читающая публика воспринимала его скорее как «маленького Островского». Лейкинский герой чаще всего становился купцы, их приказчики и домоладцы. Но это не значило, что он специализировался только на одной общественной группе. Наследие Лейкина ценно тем, что он создал широчайшую галерею портретов и жанровых сцен, – галерею, о которой можно смело сказать, что она охватила всю Россию. Вот названия только нескольких десятков (из десяти тысяч!) лейкинских рассказов. Тут и профессии, и социальные типы: «Извозчик», «Швейцар»,

«Маркер», «Прачка-поденщица», «Парикмахерский подмастерье», «Горничная», «Торговый мальчик», «Лихач», «Водогрейщик», «Доктор, каких купцы любят», «Доктор, каких любят тонные дамы», «Доктор для тех, которые с жиру бесятся», «Бездомники», «Угловые», «Папертные», «Кладбищенские», «Мамка-кормилица», «Кухарки и горничные», «Купчиха и кучер» и т. д. Различным увлечениям петербуржцев был посвящен сборник, называвшийся «Мученики охоты»; среди этих добровольных мучеников – «Голубятник», «Собачник», «Рысачник», «Птицелов», «Собиратель насекомых», «Актер-любитель», «Певчий-любитель», «Поэт», «Балетоман», «Библиоман», «Нумизмат», «Собиратель табакерок и тростей», «Покровитель животным», «Спирит» и т. д. Не было ни одного места в старом Петербурге, которое не запечатлел бы Лейкин: действие его рассказов происходит «В Летнем саду», «На Царицыном лугу», «В Михайловском сквере», «Около Егерских казарм», «На невском пароходе», «У Биржи», «В Екатерингофе», «На Крестовском», он описал все дачные пригороды: «Лесной», «Черная речка», «Новая деревня», «Парголово», «Коломяги», «Карповка», «От Петербурга до Колпина» и т. д. Точно так же охвачен лейкиными рассказами весь календарь, с праздниками и обычаями: «В Сочельник», «Новый год», «На Святках», «Прощеное воскресенье», «Вербное гулянье», «Канун Пасхи», «Первый день Пасхи», «Радоница», «В день Преполовения» – и так далее до нового Рождества (рождественские рассказы соста-

вили впоследствии целый сборник). Большинство этих текстов – всего лишь характерные «зарисовки с натуры», но Лейкин никогда не чуждался и остросоциальных тем: у него есть книги, посвященные поденщикам («На заработках. Роман из жизни чернорабочих женщин», 1902); нищим и беднякам («Голь перекатная», 1903), в последний год своей жизни, совпавший с первым годом революции, Лейкин описал «стачечников» и «забастовщиков».

Широта охвата материала свидетельствует о том, что Лейкин был лучшим представителем той «экстенсивной» русской литературы, о которой очень точно написал в свое время Б. М. Эйхенбаум: «Рядом с литературой, исключительно сосредоточенной на острых вопросах социально-политической борьбы, существовала и другая литература, развившаяся вне узкого круга интеллигентских традиций. <...> Она ничего явно не проповедовала, ничему прямо не учила, а только подробно и ярко рассказывала о русской жизни – о людях всяких сословий и профессий, занятых своими бытовыми делами».

За годы работы сложилась и определенная поэтика лейкинского рассказа, который стали именовать «сценкой», поскольку его прозаические сочинения действительно напоминали драматические – одноактные пьесы. Сценка состояла из ряда кратких «ремарок», которые обозначали место и время действия и давали сжатые характеристики действующих лиц, и из сравнительно пространныго, занимавшего большую

часть текста характерно-комического диалога. Такой диалог можно было оборвать на любом месте, и одной из примет лейкинских сценок стал недописанный, как бы повисающий в воздухе «открытый финал» – эту черту подхватит и разошьет в дальнейшем Чехов. Краткость («сестра таланта») и открытые финалы – черты, которые принято считать новаторским вкладом Чехова в мировую литературу. Однако на самом деле их можно с полным правом назвать фирменными приемами Лейкина.

Многие произведения Лейкина («Стукин и Хрустальников», «Странствующая труппа», «Не в масть» и др.) написаны как монтаж отдельных «сценок», связанных между собой единством центральных действующих лиц и местом действия.

По этому принципу написан и самый знаменитый лейкинский цикл – «Наши за границей» (1890), история путешествия петербургской купеческой четы Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Германии и Франции. «Наши за границей» были написаны Лейкиным после собственных поездок за рубеж в конце 1880-х годов. Посещение парижской Всемирной выставки 1889 года (в качестве входной арки на эту выставку была построена Эйфелева башня) и наблюдения за мытарствами «безъязыких» русских туристов в Европе подсказали писателю сюжет, который сам по себе порождал великое множество комических ситуаций. Разумеется, Лейкин, получивший «немецкое воспитание» и го-

воривший по-немецки и по-французски так же, как по-русски, дистанцируется от своих героев, которые знают только «комнатные» и «хмельные» иностранные слова и на каждом шагу испытывают, как мы сегодня сказали бы, культурный шок: дивятся диким для них европейским нравам и обычаям. Однако супруги Ивановы для Николая Александровича – безусловно «наши», свои, родные, и в его подтрунивании не чувствуется превосходства: господствует фирменный лейкинский добродушный юмор и незаурядная наблюдательность. Герои и ситуации оказались настолько узнаваемыми, что «Наши за границей» выдержали до Первой мировой войны 28 изданий – кажется, это рекорд для русской литературы. Развивая успех, Лейкин написал три продолжения: Ивановы отправляются сначала на Ривьеру и в Италию («Где апельсины зреют», 1892; 18 изданий до 1913 г.), затем «через славянские земли в Константинополь» («В гостях у турок», 1897; 10 изданий) и, наконец, через Биарриц в Мадрид («Под южными небесами», 1898; 7 изданий).

Одна из важнейших заслуг Лейкина перед русской литературой – «открытие» им таланта Антона Павловича Чехова и многолетнее сотрудничество с ним. Чехов называл Лейкина своим «крестным батькой» и охотно признавал, что учился писать короткие рассказы на лейкинских образцах.

Началось все в октябре 1882 года, когда Лейкин приехал в Москву с определенной целью – найти новых сотрудников для «Осколков». Впоследствии он вспоминал: «Когда я

проезжал с покойным Пальминым по Тверской, он указал мне на молодого длинноволосого человека и сказал: „Вот даровитый начинающий человек идет – фамилия его Чехов“. Я узнал адрес Чехова, поехал к нему знакомиться и пригласил писать в „Осколки“». Уже через неделю Чехов прислал в журнал первый рассказ (эту юмореску, «Речь и ремешок», не пропустила цензура). В первые годы начинающему, но уже немало пострадавшему от нравов московских издателей писателю, выступавшему под псевдонимом Антоша Чехонте, нравились и условия, предложенные Лейкиным (целых восемь, а потом и десять копеек за строчку; в Москве платили по пять), и сам журнал: он называл его «лучшим из юмористических журналов, в коих работаю». Именно в «Осколках» были напечатаны шедевры чеховской юмористики: «Торжество победителя», «Дочь Альбиона», «Толстый и тонкий», «Орден», «Жалобная книга», «Хирургия», «Хамелеон», «Свадьба с генералом» и многие другие. Всего Антоша Чехонте (он же Брат моего брата, Человек без селезенки, Рувер и др.) напечатал в «Осколках» больше сотни рассказов. Все они публиковались бок о бок с лейкинскими, и между двумя юмористами шло своего рода соревнование. Чехов выступал с позиций ученика, соревнующегося с учителем (еще в Таганроге, гимназистом, он был «усерднейшим читателем» лейкинских юморесок). Как и Лейкин, он не ограничивался какой-то социальной группой персонажей, а давал широкую панораму русской жизни – пред-

ставлял «целую армию» героев, как он сам скажет впоследствии. Точно так же, как у Лейкина, ранние чеховские рассказы следуют календарному циклу и описывают эпизоды из повседневной жизни самых обычных людей. Если Лейкин изображал по преимуществу Петербург, то Чехонте предпочитал родную для него Москву, но при этом многие места действия оказывались «аналогами» петербургских (это относилось к местам гуляний, дачным местностям, кафешантанам, трактирам и т. п.). Чехонте, как и Лейкин, постоянно придумывал своим героям смешные фамилии. Если у Лейкина действуют купцы Куроглотов, Рублевкин, Волкодавов, Семишкуров, то у Чехова – Кашалотов, Механизмов и Синерылов; лейкинскому дьячку Ижеесишенскому вторит чеховский Вонмигласов; не любивший аристократию «демократ» Лейкин выводит барона по фамилии Киндербальзам, «демократ» Чехонте – графа Дерзай-Чертовщинова. Лейкин был известен своими комическими словечками, вся Россия повторяла приветствия из лейкиных рассказов: «С пальцем девять, с огурцом пятнадцать! Толстое почтение с кисточкой, поклон с набалдашником!» – или фразу, выражавшую удивление при неожиданном повороте событий: «Вот тебе и фунт изюма». Не отставал и Чехонте: уже в первом его рассказе – «Письмо к ученому соседу» – промелькнула фраза, которую до сих пор повторяют, иногда не помня автора: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». А ставшее крылатым названием чеховского рассказа

– «Свадьба с генералом» – придумал Лейкин. Несомненно и сходство многих сюжетов двух авторов: чеховская зарисовка «Пересолил» перекликается с лейкинской юмореской «Два храбреца», а знаменитый «Ванька» – отголосок лейкинского очерка об апраксинском «мальчике» – бесправной «прислуге за все».

Антоша Чехонте был лучшим, но не единственным сотрудником Лейкина. К участию в журнале Лейкин привлек Н. С. Лескова, Атаву (С. Н. Терпигорева), Н. В. Успенского, Л. И. Пальмина, Л. Н. Трефолева, В. В. Билибина и других литераторов. И при этом непрерывно писал сам. Книжки Лейкина без конца переиздавались, «Осколки» и «Петербургская газета» все шире распространялись по России, а Николай Александрович богател и набирал вес в обществе. Он был избран гласным (депутатом) петербургской городской Думы, состоял членом всевозможных обществ, земским гласным, почетным мировым судьей (этот пост в России занимали в основном отставные генералы). Был он и церковным старостой – как вспоминал современник, «состоял при церкви какого-то казачьего полка, что давало ему даже право носить мундир и шаровары с красными лампасами». Лейкин, никогда не числившийся на государственной службе, не мог получить дворянства, но зато стал потомственным почетным гражданином – привилегия, дававшаяся обычно крупным коммерсантам.

Он и был крупным коммерсантом, но только от литерату-

ры. Стремясь компенсировать лишения молодости, Николай Александрович жил на широкую ногу. В 1885 году он приобрел усадьбу в селе Ивановском (ныне город Отрадное), прямо на берегу Невы у впадения в нее реки Тосны, завел там богатые оранжереи, статуи, парники и образцовый огород. А в 1899 году, продав это поместье, купил усадьбу «Медное» в 15 километрах от Отрадного, на реке Мойке, у деревни Му-столово. В усадебном саду находилась «зала в два света», соединенная с домом коридором; простенки в коридоре и стены в «зале» украшали причудливые картины, а сводчатый потолок был расписан под небо с облаками. Как вспоминал Михаил Чехов, его брат Антон, оказавшись впервые в лейкинском имении, при виде роскошного дворца с богатой обстановкой выразил недоумение: «Зачем вам, одинокому человеку, вся эта чепуха?» – и получил ответ: «Прежде здесь хозяевами были графы, а теперь – я, Лейкин, хам».

Хотя Чехов и назвал Лейкина в письме «буржуа до мозга костей», а современники оставили немало свидетельств о его бытовой скупости, в больших делах Николай Александрович не был жаден и себялюбив. Об этом свидетельствуют многие факты. Поскольку у них с супругой Прасковьей Никифоровной не было своих детей, Лейкины усыновили подкидыша – мальчика Федю (он стал прототипом Гриши в одноименном рассказе Чехова). Лейкин состоял попечителем целого ряда школ и благотворительных учреждений, основал приют-ясли Троицкого прихода на Большой Дворянской улице (ныне

ул. Куйбышева). В селе Ивановском он учредил «Дом трудолюбия», а свою усадьбу «Медное» со 100 гектарами земли завещал под устройство школьной дачи и училища практического садоводства для детей, обучающихся в городских школах Петербурга. Лейкин умер в январе 1906 года, а весной того же года в имении уже поселилось 250 детей беднейших городских жителей. К сожалению, дальнейшая судьба всех его начинаний была печальна: революции и войны не оставили никакого следа от лейкинских усадеб и богаделен.

Богатство Лейкина было заработано сорокалетним непрерывным трудом. В его случае известное правило «ни дня без строчки» можно перефразировать как «ни дня без рассказа». Работоспособность Николая Александровича вошла в поговорку. Так, П. И. Чайковский писал в 1893 году: «...Если бы и я, и мой издатель могли: я – прожить безвыездно в деревне, а он – всю эту массу нот издать и гонорар уплатить, то, работая à la Лейкин, я в один год мог бы нажить 36 тысяч с половиной!!! Недурно бы».

По подсчетам исследователей, за всю жизнь Лейкиным было написано 36 романов и повестей, 11 пьес и около *десяти тысяч* рассказов; при жизни писателя в свет вышло 70 томов его сочинений.

В XX веке это наследие оказалось практически забыто: советской власти «буржуазный писатель» пришелся не ко двору, и вспоминали Лейкина только в связи с Чеховым, как его «спутника» и отчасти учителя. Однако с недавних пор

Лейкин начинает возвращаться к читателю: как ни странно, современные люди узнают себя то в Глафире Семеновне Ивановой, пытающейся объясниться с проводником в немецком поезде или с официантом в парижском ресторане, то в увлеченных каким-нибудь странным хобби «мучениках охоты», то в лишенных всякой свободы наемных работниках торговых фирм. Ненавязчивый лейкинский юмор по-прежнему смешит – и это удивительно, если вспомнить, сколько времени прошло и сколько всего изменилось с того дня, когда «господин Лейкин изволили пить чай» в Гостином дворе, а приказчик потом не стирал мокрый кружок с того места на прилавке, где стояла кружка писателя.

Андрей Степанов

Наши за границей

Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно

1

I

Переехали русскую границу. Показался прусский орел², изображенный на щите, прибитом к столбу. Поезд подъехал к станционному зданию. Русские кондукторы в последний раз отворили двери вагонов. Послышалась немецкая речь. Стояли два откормленные немца в черных военных плащах с множеством пуговиц по правую и по левую сторону груди

---

¹ Текст печатается по изданию: *Лейкин Н. А.* Наши за границей: Юмористическое описание поездки супругов, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых, в Париж и обратно. 16 изд-е. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899.

² *Прусский орел* – малый королевский герб Королевства Пруссия в виде одноглавого орла; после объединения Германии в 1871 г. стал имперским гербом.

и в касках со штыками³. «Ейдкунен⁴!» – возгласил кто-то, проглатывая слова. Виднелись вывески со стрелами и с надписями: «Herren», «Damen». Пассажиры стали снимать с полок ручной багаж и начали выходить из вагонов. В числе их были и молодой купец с женой, купеческое происхождение которого сказывалось в каждой складке, в каждом движении, хотя он и был одет по последней моде. Прежде всего он ударил себя ладонью по дну шляпы котелком и сказал жене:

– Ну-с, Глафира Семеновна, приехали в заграницу. Теперь следует нам свое образование доказывать. Сажайте иностранные слова! Сажайте без всяких стеснений. Жарьте всю.

Молодая супруга, одетая тоже по последней моде, смутилась и покраснела.

– А какая это земля? – спросила она.

– Знамо дело – Неметчина. Немец всегда на границе стоит. Помимо немца, ни в какую чужую землю не проедешь. Забирайте свою подушку-то. Мне три не протащить сквозь двери. А насчет саквояжей мы носильщика крикнем. Как носильщик-то на немецкий манер?

---

³ ...в касках со штыками. – Немецкие каски с пиками (нем. Pickelhaube – шлем с шипами) – остроконечные кожаные шлемы, носившиеся в том числе полицейскими.

⁴ Ейдкунен (Эйдкунен, Эйдткунен; с 1946 г. Чернышевское) – пограничное поселение в Восточной Пруссии, где осуществлялась пересадка с российского поезда на немецкий и наоборот (сквозное движение было невозможно из-за разницы в ширине колеи в России и Германии).

– Я, Николай Иванович, не знаю. Нас этим словам в пансион не обучали. Да и вообще я по-немецки очень плохо... Когда учитель-немец приходил, то у меня всегда зубы болели.

– Как же это так... А говорили, что обучались.

– Я и обучалась, а только комнатные слова знаю. Вот ежели что в комнате или с кем поздороваться и спросить о погоде...

– Странно... сам же я слышал, как вы стихи читали на иностранном диалекте.

– То по-французски. Вот ежели по-французски придется, то я больше знаю.

– Как тут в немецкой земле по-французски! Здесь за французский язык в участок могут сволочь. Немец страх как француза не любит. Ему француз – что таракан в щак. Эй, носильщик! – кричит купец. – Гут морген... Как вас?... Комензи... Наши чемоданы. Брингензи...⁵ Саквояжи...

– Вот видишь, ты и сам немецкие слова знаешь.

– Десять-то слов! На этом не много уедешь. Хмельного я сам попрошу по-немецки, потому хмельные слова я знаю, а остальные ни в зуб. Эй, хер носильщик! Хер – это по по-ихнему господин. Поучтивее, так, может, лучше... Хер носильщик! Нейдет, подлец! В другой вагон пропер. Неужто самому придется переть?... Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи! Чего же стала?

---

⁵ Доброе утро... Идите... Несите. – Здесь и далее при переводе ошибки в иностранных языках не отражены.

- Да видишь, главная подушка не пролезает. Надо по одной штуке...
- И к чему только ты три подушки с собой забрала!
- Да я не могу на одной спать. Голова затекает. И наконец, ведь не знаешь, куда едешь. Может быть, там и вовсе без подушек...
- Брось подушки. Давай я их вытащу... Ну пропихивай сзади, пропихивай... Вот так... Ведь таможня здесь. Не стали бы немцы подушки распарывать и искать в них? Ведь целые перины мы притащили. Не сочли бы за мешки с товаром. Хоть сказать им, что это подушки. Как подушки-то по-немецки?
- Не знаю.
- Здравствуйте! А сейчас хвасталась, что все комнатные слова знаешь. Ведь подушка – комнатное слово.
- Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь. Ведь вы и сами не знаете!
- Я другое дело. Я специалист по хмельным словам. Вот в буфете я в лучшем виде... «Бир-тринкен... Шнапс-тринкен... Зейдель... фляше...⁶ бутерброд»... и, наконец, я в пансионе не обучался. Немецким словам я выучился у немцев-колонистов⁷, которые приезжают к нам в лавку веревки, парусину и гвозди покупать. «Ейн, цвей, дрей, фир,

---

⁶ Пиво пить... шнапс пить... Кружка... бутылка...

⁷ ...у немцев-колонистов... – Значительную часть русских немцев составляли сельскохозяйственные поселенцы (немцы-колонисты).

фир рубль, цванциг копекен»⁸. Считать по-немецки тебе что угодно высчитаю, а других я слов не знаю. Ну, постой тут около подушек, а я саквояжи вытащу. Эй, хер носильщик! Нумер ейн унд цванциг. Комензи!⁹ – снова начал кричать купец и манить носильщика.

Носильщик наконец подошел, взял вещи и понес их. Купец и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, плед и ватное стеганое одеяло.

– Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr?¹⁰ – спрашивал носильщик купца.

– Черт его знает, что он бормочет! – воскликнул купец. – Глафира Семеновна, понимаешь? – обратился он к жене.

– Да, должно быть, на чай просит. Дай ему, – отвечала та.

– Ну народ! Даже двугривенного не хотят поверить и вперед деньги требуют. Бери, бери... Вот три гривенника. Не надувать сюда приехали. Мы в Петербурге в полном доверии. У меня по банкам на полтора ста тысяч векселей гуляет...

Носильщик денег не брал и говорил:

– Nachher, nachher werden Sie zahlen...¹¹

– Глаша! Не берет. Неужто двух пятиалтынных¹² мало? – недоумевал купец. – Иль, может быть, ему немецкие деньги

---

⁸ Один, два, три, четыре, четыре рубля, двадцать копеек.

⁹ Двадцать один! Несите!

¹⁰ Таможня... теперь таможня... У вас есть чемоданы, сударь?

¹¹ После, после заплатите.

¹² Пятиалтынный — монета достоинством 15 копеек.

надо?

– Да конечно же, он немецкие деньги требует.

– Дейч гельд хочешь? Дейч надо разменять. Где тут меняльная лавка? Надо разменять. Понимаешь? Ничего не понимает. Глаша! да скажи ему по-немецки, как вас учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, как по-немецки меняльная лавка? Сади!

– Ах, боже мой! Ну что ты ко мне пристаешь-то!

– Ничего не знает! А еще у мадамы училась.

– Меняльную лавку вы найдете в вокзале. Там еврей вам и разменяет, – слышалось сзади по-русски.

Говорил какой-то господин в войлочной дорожной шапочке. Купец обернулся и сказал:

– Мерси вас... Удивительно, как трудно без немецкого языка... Ничего не понимают. Будьте добры сказать этой колбасе, что он на чай в лучшем виде получит, как только я разменяю русские деньги. Ну вот... Еще мерси вас... Извините... А как по-немецки меняльная лавка, чтобы я мог спросить?

– Вексельбуде... Но еврей, который будет менять вам деньги, говорит по-русски.

– Анкор мерси¹³ вас... Вексельбуде, вексельбуде, – твердил купец. – Запомни, Глаша, как меняльная лавка называется, а то я впопыхах-то могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

---

¹³ Еще раз спасибо.

У дверей в вокзале стояли прусские жандармы и таможенные чиновники отбирали паспорта и пропускали пассажиров по очереди.

— Эх, следовало бы захватить с собой в дорогу Карла Адамыча для немецкого языка, — говорил купец. — Он хоть пропойный человек, а все-таки с языком. Приодеть бы его в мое старое пальтишко, так он и совсем бы за барина сошел. Только ведь дорога да выпивка, а ест он самые пустяки. Положительно следовало бы его взять, и в лучшем бы виде он по-немецки бормотал.

— Так отчего же не взял? — сказала жена.

— А не сама ли ты говорила, что я с ним с кругу сбиться могу? Я на твое образование надеялся, думал, что ежели уж у мадамы в пансионе училась и немецкие стихи знаешь, так как же немецких-то слов не знать; а ты даже без того понятия, как подушка по-немецки называется.

— Тебе ведь сказано, что я политичные слова знаю, а подушка разве политичное слово.

— Врешь! Ты даже сейчас хвасталась, что комнатные слова знаешь.

— Фу, как ты мне надоел! Вот возьму да на зло тебе и заплачу.

— Да плачь. Черт с тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купец проталкивал ее вперед.

– Пасс!¹⁴ – возгласил жандарм и загородил ей дорогу.

– Глаша! Что он говорит? Чего ему нужно? – спрашивал у жены купец.

– Отстань. Ничего не знаю.

– Пасс! – повторил жандарм и протянул руку.

– Ну, вот извольте видеть, словно он будто в винт играет: пасс да пасс.

– Отдайте свой паспорт. Он паспорт требует, – сказал кто-то по-русски.

– Паспорт? Ну так так бы и говорил, а то – пасс да пасс... Вот паспорт.

Купец отдал паспорт и проскользнул сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспорт.

– Глаша! Чего ж ты?... Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала? – кричал купец.

– Да не пускают. Вон он руки распространяет, – отвечала та. – Пустите же меня! – раздраженно рванулась она.

– Пасс! – возвысил голос жандарм.

– Да ведь я отдал ейный паспорт. Жена при муже. Жена в моем паспорте... Паспорт у нас общий...¹⁵ Это жена моя... Послушайте, хер... Так не делается... Это безобразие... Ее паспорт. Ейн паспорт на цвей, – возмущался купец.

---

¹⁴ Паспорт!

¹⁵ *Жена при муже... Жена в моем паспорте... Паспорт у нас общий...* – В Российской империи паспорт получали только для того, чтобы уехать с постоянного места жительства (в том числе для путешествия за границу). В паспорт главы семьи вписывали его жену и детей.

– Я жена его... Я фрау, фрау... А он муж... Это мой мари... мон мари...¹⁶ – бормотала жена.

Наконец ее пропустили.

– Ну народ! – восклицал купец. – Ни одного слова по-русски. А еще, говорят, образованные немцы! Говорят, куда ни плюнь, везде университет или академия наук. Где же тут образование, спрашивается?! Тьфу, чтобы вам сдохнуть!

Купец плюнул.

II

Николай Иванович и Глафира Семеновна, запыхавшиеся и покрасневшие, сидели уже в прусском вагоне. Перед ними стоял немец-носивылец и ждал подачки за принесенные в вагон мешки и подушки. Николай Иванович держал на ладони горсть прусских серебряных монет, перебирал их другой рукой и решительно недоумевал, какую монету дать носильщику за услугу.

– Разбери, что это за деньги! – бормотал он. – Одни будто бы полтинники, а другие, которые побольше, так тоже до нашего рубля не хватают! Потом мелочь... На одних монетах помечено, что десять, на других стоит цифра пятьдесят, а обе монетки одной величины.

– Да дай ему вот вроде полтины-то! – сказала Глафира

---

¹⁶ Мой муж.

Семеновна.

– Сшутила! Давать по полтине, так тоже раздаешься. Эдак и требухи не хватит¹⁷.

– Ну дай маленьких монет штучки три.

– В том-то и дело, что они разные. Одни в десять, другие в пятьдесят, а величина одна. Да и чего тут десять, чего пятьдесят? Беда с чужими деньгами!

Он взял три монетки по десяти пфеннигов¹⁸ и подал носильщику. Тот скривил лицо и подбросил монетки на ладони.

– Неужто мало? Ведь я три гривенника¹⁹ даю, – воскликнул Николай Иванович и дал еще десять пфеннигов.

Носильщик плюнул, отвернулся и, не приподняв шапки, отошел от вагона.

– Вот так немецкая морда! Сорок ихних копеек даю, а он и этим недоволен. Да у нас-то за сорок копеек носильщики в пояс кланяются! – продолжал Николай Иванович, обращаясь к жене.

– А почему ты знаешь, может быть, ихние копейки-то меньше? – сказала та и прибавила: – Ну да что об этом толковать! Хорошо, что уж в вагоны-то уселись. Только в те ли мы вагоны сели? Не уехать бы куда в другое место вместо Берлина-то?

---

¹⁷ Эдак и требухи не хватит. – Здесь: не хватит мелочи.

¹⁸ Пфенниг – сотая часть немецкой марки.

¹⁹ Гривенник — десятикопеечная монета.

– Пес их знает! Каждому встречному и поперечному только и твердил, что Берлин, Берлин и Берлин. Все тыкали перстами в этот вагон.

Николай Иванович высунулся из окна вагона и крикнул:

– Эй! хер кондуктор! Берлин здесь?

– О, ja, mein Herr, Berlin.

– Слышишь? Около русской границы и то по-немецки. Хоть бы одна каналья сказала какое-нибудь слово по-русски, кроме жида-менялы.

– Ну вот с жидами и будем разговаривать. Ведь уж жида наверное везде есть.

– Да неужто ты, Глашенька, окромя комнатных слов, никакого разговора не знаешь?

– Про еду знаю.

– Ну, слава Богу, хоть про еду-то. По крайней мере, голодом не насидимся. Ты про еду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мере, поняла ли, что немец в таможне при допросе-то спрашивал?

– Да он только про чай да про табак с папиросами и спрашивал. Те, табак, папирос...

– Ну, это-то и я понял. А он еще что-то спрашивал.

– Ничего не спрашивал. Спрашивал про чай и про папиросы, а я молчу и вся дрожу, – продолжала жена. – Думаю, ну как полезет в платье щупать.

– А где у тебя чай с папиросами?

– В турнюре²⁰. Два фунта²¹ чаю и пятьсот штук папирос для тебя.

– Вот за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и с чаем, и с папиросами. А то Федор Кирилыч вернулся из-за границы, так сказывал что папиросы ихние на манер как бы из капустного листа, а чай так брандахлыст²² какой-то. Вот пиво здесь – умопомрачение. Я сейчас пару кружек опрокинул – прелесть. Бутерброды с колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

– Колбасная-то колбасная, да кто их знает, из чего они свои колбасы делают. Может быть, из кошек да из собак. Нет, я их бутербродов есть не стану. Я своих булок захватила, и у меня сыр есть, икра.

– Нельзя же, душечка, совсем не есть.

– Колбасу? Ни за что на свете! Да и вообще не стану есть ничего, кроме котлеты или бифштекса. У них, говорят, суп из рыбьей чешуи, из яичной скорлупы и из сельдяных голов варится.

– Ну?!

– Я от многих слышала. Даже в газетах читала. А наш жилец-немец – настройщик, что в папенькином доме живет. Образованный немец, а что он ест вместо супа? Разболтает в пиве корки черного хлеба, положит туда яйцо, сварит, вот и

---

²⁰ *Турнюр* — пышная сзади юбка на каркасе, модная в 1880-е гг.

²¹ *Фунт* – русский фунт равнялся 409 г.

²² *Брандахлыст* – слишком жидкий суп, чай, пиво и т. п.

суп. Нам ихняя кухарка рассказывала. «Они, говорит, за обе щеки едят, а мне в глотку не идет. Я, говорит, кофейными переварками с ситником²³ в те дни питаюсь». Я и рыбу у них в Неметчине есть не буду.

– Рыбу-то отчего? Ведь уж рыба все рыба.

– Боюсь, как бы вместо рыбы змеи не подали. Они и змей едят, и лягушек.

– Это французы.

– И французы, и немцы. Немцы еще хуже. Я сама видела, как настройщицкая немка в корзинке угря на обед с рынка тащила.

– Так угря же, а не змею.

– Та же змея, только водяная. Нет, я у них ни рыбы, ни колбасы, ни супу – ни за что на свете... Бифштекс, котлета, булки. Пироги буду есть, и то только с капустой. Яйца буду есть. Тут уж, по крайней мере, видишь, что ешь настоящее.

– У них и яйца поддельные есть.

– Да что ты! Как же это так яйца подделать?

– В искусственной алебастровой скорлупе, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читал, что подделывают.

– Тьфу, тьфу! Кофей буду пить с булками.

– И кофей поддельный. Тут и жареный горох, и рожь, и цикорий.

---

²³ *Ситник* (*ситный хлеб*) – хлеб высшего сорта из отборной (просеянной через сито) пшеничной муки.

– Ну, это все-таки не поганое.

– А масла у них настоящего и нет. Все маргарин. Ведь мы с них пример-то взяли. Да еще из чего маргарин-то...

– Не рассказывай, не рассказывай!.. – замахала руками жена. – А то я и ничего жареного есть не стану.

Поезд тихо тронулся.

– По немецкой земле едем. В царство пива и колбасы нас везут, – сказал Николай Иванович.

III

Поезд стрелой мчался от Эйдукунена по направлению к Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительные станции, останавливаясь только на одну или две минуты перед главными станциями. Перед окнами вагонов мелькали, как в калейдоскопе, каменные деревеньки с фруктовыми садами около домиков, гладкие, как языком вылизанные, скошенные луга и поля, вычищенные и даже выметенные рощицы с посаженными рядами молодыми деревьями, утрамбованные проселочные дорожки, пересекающие под мостами железнодорожное полотно. На одной из таких дорог Николай Иванович и Глафира Семеновна увидели повозку, которую везли две собаки, и даже воскликнули от удивления.

– Смотри-ка, Глаша, на собаках бочку везут. Вот народ-то!

– Вижу, вижу. Бедные псы! Даже языки выставили, до того им тяжело. А мужчина идет сзади, руки в карманы и трубку курит. Стало быть, здесь нет общества скотского покровительства²⁴?

– Стало быть, нет, а то бы уж член общества сейчас этой самой трубке награждение по затылку сделал; какое ты имеешь собственное право скота мучить! Ну народ! Собаку – и вдруг в тележку запрячь! Поди-ка выдумай кто другой, кроме немца! У нас это происшествие только в цирке как фокус показывается, а здесь, извольте видеть, на работе. Правду говорят, что немец хитер, обезьяну выдумал.

– Да, может быть, и это какой-нибудь поярец или акробат, с учеными собаками по дворам шляющийся.

– Нет. Тогда с какой же стати у него бочка на тележке и корзина с капустой? Просто это от бедности. Лошадь кормить нечем – ну и ухищряются на собаках... Вон и еще на собаках... Солому везут. Как их на котах не угораздит возить!

– погоди. Может быть, и запряженных котов увидим.

И опять чистенькие деревеньки с черепичными крышами на домах, с маленькими огородиками между домов, обнесенными живой изгородью, аккуратно подстриженной, а в этих огородах женщины в соломенных шляпках с лентами, копа-

---

²⁴ ...общества скотского покровительства? – Имеется в виду Российское общество покровительства животным, состоявшее под покровительством императрицы Марии Федоровны.

ющиеся в грядках.

– Смотри-ка, смотри-ка: в шляпках – и на огородах работают! – удивлялась Глафира Семеновна. – Да неужели это немецкие деревенские бабы?

– Должно быть, что бабы. Карл сказывал, что у них деревенские бабы в деревнях даже на фортепьянах играют, а по праздникам себе мороженое стряпают, – отвечал Николай Иванович.

– Мороженое? Да что ты! А как же у нас рассказывают, что немцы и немки с голоду к нам в Россию едут? Ведь уж ежели мороженое...

– Положим, что от мороженого в брюхе еще больше заурчит, ежели его одного нажраться. Да нет, не может быть, чтобы с голоду... Какой тут голод, ежели в деревнях – вот уж сколько времени едем – ни одной развалившейся избы не видать. Даже соломенных крыш не видать. Просто-напросто немец к нам едет на легкую работу. Здесь он гряды копает, а у нас приедет – сейчас ему место управляющего в имении. Здесь бандурист какой-нибудь и по трактирам за пятаки да за гривенники играет, а к нам придет – настройщик, и сейчас ему по полтора рубля за настройку фортепьян платят.

И опять немки в шляпках и с граблями. На этот раз они стояли около пожелтевшего дуба. Одна немка сбивала граблями с ветвей дуба желтый лист, а другая сгребала этот лист в кучки, запасая материал для листовой земли.

– И на что им этот желтый лист понадобился? Вишь, как

стараятся собирать! – удивлялась Глафира Семеновна.

– Немец хитер... Почему ты знаешь: может быть, этот лист в какую-нибудь еду идет, – отвечал Николай Иванович. – Может быть, для собак-то вот этих, что телеги возят, еду из листа и готовят.

– Станет ли собака дубовый лист есть?

– С голодухи станет, особенно ежели с овсяной крупой перемешать да сварить.

– Нет, должно быть, это просто для соления огурцов. В соленые огурцы и черносморodinный, и дубовый лист идет.

– Так ведь не желтый же.

– А у них, может быть, желтый полагается.

– Да ты, чем догадываться-то, понатужься да спроси как-нибудь по-немецки вон у этой дамы, что против тебя сидит и чулок вяжет, – кивнул Николай Иванович на пассажирку, прилежно перебиравшую спицы с серой шерстью. – Неужто ты не знаешь, как и желтый лист по-немецки называется?

– Я же ведь сказала тебе, что нас только комнатным словам учили.

– Ну пансион! А ведь, поди, за науку по пяти рублей в месяц драли!

– Даже по десяти.

Немало удивлялись они и немке-пассажирке, вязавшей чулок, которая, как вошла в вагон, вынула начатый чулок да так и не переставала его вязать в течение двух часов.

– Неужто дома-то у ней не хватает времени, чтобы связать

чулки? – сказала жена.

– И хватает, может статься, да уж такая извадка, – отвечал муж. – Немки уж такой народ... Немка не только что в вагон, а и в гроб ляжет, так и то чулок вязать будет.

А поезд так и мчался. Супруги наелись булок с сыром и икрой. Жажда так и томила их после соленого, а напиться было нечего. Во время минутных остановок на станциях они не выходили из вагонов, чтобы сбегать в буфет, опасаясь, что поезд уедет без них.

– Черт бы побрал эту немецкую езду с минутными остановками! Помилуйте, даже в буфет сбегать нельзя! – горячился Николай Иванович. – Поезд останавливается, пятьдесят человек выпускают, пятьдесят пассажиров принимают – и опять пошел. Ни предупредительных звонков – ничего²⁵. Один звонок – и катать-валяй. Говорят, это для цивилизации... Какая тут, к черту, цивилизация, ежели человеку во время остановки поезда даже кружки пива выпить нельзя?

– Да, должно быть, здесь такие порядки, что немцы с собой берут питье, – говорила Глафира Семеновна. – Они народ экономный.

– Да ведь не видать, чтобы пили в вагонах-то. Только сигарки курят да газеты читают. Вот уж сколько проехали, а хоть бы где-нибудь показалась бутылка. Бутерброды ели, а чтобы пить – никто не пил. Нет, у нас на этот счет куда луч-

---

²⁵ *Ни предупредительных звонков – ничего.* – В России перед отправлением поезда давалось два предупредительных звонка.

ше. У нас придешь на станцию-то, так стоишь, стоишь – и конца остановки нет. Тут ты и попить, и поесть всласть можешь, даже напиться допьяна можешь. Первый звонок – ты и не торопишься, а идешь либо пряники вяземские себе покупать, а то так к торжковским туфлям приторговываешься, потом второй звонок, третий, а поезд все стоит. Когда-то еще кондуктор вздумает свистнуть в свистульку машинисту, чтобы тот давал передний ход. Нет, у нас куда лучше.

Новая остановка. Станция такая-то, кричит кондуктор и прибавляет: «Zwei minuten».

– Опять цвей минутен, черт их возьми! Когда же душу-то отпустят на покаяние и дадут такую остановку, чтобы попить можно! – восклицал Николай Иванович.

– Да дай кондуктору на чай и попроси, чтобы он нам в вагон пива принес, – посоветовала ему жена. – За стекло-то заплатим.

– Попроси... Легко сказать – попроси... А как тут попросишь, коли без языка? На тебя понадеялся как на ученую, а ты ни в зуб толкнуть по-немецки...

– Комнатные слова я знаю, а тут хмельные слова. Это по твоей части. Сам же ты хвастался, что хмельные слова выучил в лучшую, – ну вот и попроси у кондуктора, чтобы он принес пива.

– А и то попросить.

Николай Иванович вынул из кармана серебряную марку и, показывая ее пробежавшему кондуктору, крикнул:

– Эй, хер!.. Хер кондуктор! Коммензи... Вот вам немецкая полтина... Дейч полтина... Бир тринкен можно? Брингензи бир... Боюсь выйти из вагона, чтоб он не уехал... Два бир... Цвей бир... Для меня и для мадам... Цвей бир, а остальное – немензи²⁶ на чай...

Все это сопровождалось жестами. Кондуктор понял – и явилось пиво. Кельнер принес его из буфета. Муж и жена жадно выпили по кружке.

Поезд опять помчался.

IV

Выпитая кружка пива раздражила еще больше жажду Николая Ивановича и Глафиры Семеновны.

– Господи! Хоть бы чайку где-нибудь напиться в охотку, – говорила Глафира Семеновна мужу. – Неужто поезд так все и будет мчаться до Берлина без остановки? Где же мы пообедаем? Где же мы поужинаем? Хоть бифштекс какой-нибудь съесть и супцу похлебать. Ведь нельзя же всю дорогу сыром и икрой питаться. Да и хлеба у меня мало. Всего только три маленькие булочки остались. Что это за житье, не пивши, не евши, помилуйте!

– Ага! жалуешься! – поддразнил ее муж. – А зачем просилась за границу? Сидела бы у себя дома на Лиговке.

---

²⁶ Возьмите.

– Я просилась на Эйфелеву башню, я просилась к французам на выставку²⁷.

– Да ведь и там не слаще. Погоди, на Эйфелевой-то башне, может быть, взвоешь.

– Николай Иванович, да попроси же ты у кондуктора еще пива.

– Погоди, дай до станции-то доехать.

Но на станциях, как на грех, останавливались на одну минуту.

– Бир... Бир... Цвей бир! Кондуктор... Хер кондуктор!.. Вот дейч полтина. Валяй на всю... Можете и сами тринкен... Тринкензи!..²⁸ – кричал Николай Иванович, протягивая кондуктору марку, но кондуктор пожимал плечами, разводил руками и говорил:

– Nur eine Minute, mein Herr...²⁹

Обер-кондуктор³⁰ свистел, локомотив отвечал на свисток и мчался.

– Помчалась цивилизация! – воскликнул Николай Иванович. – Ах, чтоб вам пусто было! Нет, наши порядки куда луч-

---

²⁷ Я просилась на Эйфелеву башню, я просилась к французам на выставку. – Имеется в виду Всемирная выставка 1889 г., проходившая с 6 мая по 31 октября в Париже. Символом выставки стала знаменитая впоследствии 300-метровая Эйфелева башня, построенная по проекту Г. Эйфеля, которую по окончании выставки предполагалось разобрать.

²⁸ Пить... Пейте!..

²⁹ Только одна минута, сударь.

³⁰ Обер-кондуктор — главный кондуктор (проводник), начальник поезда.

ше.

– Нельзя? – спрашивала жена.

– Видишь, нельзя. Сую кондуктору полтину на чай – даже денег не берет.

Поезд мчался с невероятной быстротой. Мимо окон вагонов беспрерывно мелькали домики, поля, засеянные озимью, выровненные скошенные луга, фабричные трубы или сады и огороды. Везде возделанная земля и строения.

– Да где же у них пустырь-то? Где же болота? – дивился Николай Иванович.

Поезд сгонял стаи птиц с полей. Птицы взвивались и летели... хвостами назад. Глафира Семеновна первая это заметила и указала мужу.

– И птицы-то здесь какие-то особенные. Смотри-ка, задом летят. Не вперед летят, а назад.

Николай Иванович взглянул и сам удивился, но тотчас же сообразил.

– Да нет же, нет. Это их поезд обгоняет, оттого так и кажется.

– Полно тебе морочить-то меня. Будто я не понимаю. Ну смотри, видишь, хвостами назад... Задом летят, задом... Это уж такие немецкие птицы. Я помню, что нас в пансионе про таких птиц даже учили, – стояла на своем жена.

В вагон пришел кондуктор ревизовать билеты.

– Бир тринкен... Где можно бир тринкен и поесть что-нибудь? – приставал к нему Николай Иванович.

– Эссен, эссен...³¹ – пояснила Глафира Семеновна и покраснела, что заговорила по-немецки. – Бир тринкен, тэ³² тринкен, кафе тринкен и эссен? – продолжала она.

Кондуктор понял, что у него спрашивают, и отвечал:

– Königsberg... Königsberg werden Sie zwölf Minuten stehen...³³

– Поняли, поняли. Зер гут³⁴. В Кенигсберге двенадцать минут. Ну вот это я понимаю! Это как следует. Это по-человечески! – обрадовался Николай Иванович.

– А когда? В котором часу? Ви филь ур? – спросила Глафира Семеновна и еще больше покраснела.

– Um sieben, – дал ответ кондуктор.

– Мерси... Данке... Ну, слава Богу... В семь часов. Это, стало быть, через два часа. Два часа как-нибудь промаячим.

Муж взглянул на жену и одобрительно сказал:

– Ну вот видишь... Говоришь же по-немецки, умеешь, а разговаривать не хочешь.

– Да комнатные и обыкновенные слова я очень чудесно умею, только мне стыдно.

– Стыд не дым, глаза не ест. Сади, да и делу конец.

Смеркалось. Супруги с нетерпением ждали Кенигсберга. При каждой остановке они высовывались из окна и кричали

---

³¹ Кушать, кушать...

³² Чай.

³³ Кенигсберг... В Кенигсберге вы будете стоять двенадцать минут...

³⁴ Очень хорошо.

кондуктору:

– Кенигсберг? Кенигсберг!

– Nein, nein, Königsberg wird noch weiter³⁵.

– Фу-ты пропасть! Все еще не Кенигсберг! А пить и есть хочу, как собака! – злился Николай Иванович.

Но вот поезд стал останавливаться. Показался большой вокзал, ярко освещенный.

– Königsberg! – возгласил кондуктор.

– Слава тебе Господи! Наконец-то!

Пассажиры высыпали из вагонов. Выскочили и Николай Иванович с Глафирой Семеновной. У станции стояли сразу три поезда. Толпился народ. Одни входили в вагоны, другие выходили. Носильщики несли и везли сундуки и саквояжи. Шум, говор, свистки, звонки, постукивание молотков о колеса.

– Вот ад-то! – невольно вырвалось у Николая Ивановича. – Да тут живым манером растеряешься. Постой, Глаша, надо заметить, из которого поезда мы вышли, а то потом как бы не попасть в чужой поезд. Видишь, наш поезд посередине стоит, а на боковых рельсах – это чужие поезда. Ну, пойдем скорей в буфет.

– Нет, голубчик, я прежде в уборную... Мне поправиться надо. Ведь сколько времени мы, не выходя из вагона, сидели, а в здешних вагонах, ты сам знаешь, уборных нет, – отвечала жена. – Без уборной мне и еда не в еду.

---

³⁵ Нет-нет, Кенигсберг будет еще дальше.

– Какая тут поправка, коли надо торопиться пить и есть скорей. Ведь только двенадцать минут поезд стоит. Да и черт их знает, какие такие ихние немецкие минуты! Может быть, ихние минуты наполовину меньше наших. Идем скорее.

– Нет, не могу, не могу. Уверяю тебя, что не могу... Да и тебя попрошу проводить меня до уборной и подождать у дверей, а то мы растеряться можем.

– Эх, бабье племя! – крикнул Николай Иванович и отправился вместе с женой отыскивать женскую уборную.

Уборная была найдена. Жена быстро скрылась в ней. Муж остался дожидаться у дверей. Прошло минут пять. Жена показывается в дверях. Ее держит за пальто какая-то женщина в белом чепце и что-то бормочет по-немецки.

– Николай Иваныч, дай, Бога ради, сколько-нибудь немецких денег или рассчитайся за меня! – кричит жена. – Здесь, оказывается, даром нельзя... Здесь за деньги. Даю ей русский двугривенный, не берет.

– В уборную на станции – да за деньги!.. Ну народ, ну немецкие порядки! – восклицает Николай Иванович, однако сует немке денег и говорит: – Скорей, Глаша, скорей, а то и поесть не успеем.

Они бегут, натываются на носильщиков. Вот и буфет. Расставлены столы. На столах в тарелках суп. «Табльдот³⁶ по три марки с персоны», – читает Глафира Семеновна немецкую

---

³⁶ *Табльдот* (фр. *table d'hôte*, букв.: стол хозяина) – стол с общим меню в пансионах, курортных гостиницах, ресторанах.

надпись над столом.

– Полный обед есть здесь за три марки. Занимай скорей места, – говорит она мужу.

Тот быстро отодвигает стулья от стола и хочет сесть, но лакей отстраняет его от стола и что-то бормочет по-немецки. Николай Иванович выпучивает на него глаза.

– Ви? Вас? Мы есть хотим... Эссен... митаг эссен³⁷, – говорит Глафира Семеновна.

Лакей упоминает слово «телеграмма». Подходят двое мужчин, говорят лакею свою фамилию и занимают места за столом, на которые рассчитывал Николай Иванович.

– Что ж это такое! – негодует Николай Иванович. – Ждали, ждали еды, приехали на станцию, и есть не дают, не позволяют садиться! Одним можно за столь садиться, а другим нельзя! Я такие же деньги за проезд плачу!

Лакей опять возражает ему, упоминая про телеграмму. За столом наконец находится какой-то русский. Видя, что двое его соотечественников не могут понять, что от них требуют, он старается разъяснить им.

– Здесь табльдот по заказу... Нужно было обед заранее телеграммой заказать, – говорит он. – Вы изволили прислать сюда телеграмму с дороги?

– Как телеграмму? Обед-то по телеграмме? Ну порядки! Глаша! Слышишь? – обращается Николай Иванович к жене. – Очень вам благодарен, что объяснили, – говорит он рус-

---

³⁷ Как? Что?.. Кушать... Обедать.

скому. — Но мы есть и пить хотим. Неужели же здесь без телеграммы ничего ни съесть, ни выпить нельзя?

— Вы по карте можете заказать. По карте что угодно...

— Эй! Прислужающий! Человек! Эссен! Чтонибудь эссен скорей и бир тринкен! — вопит Николай Иванович. — Цвей порции.

Появляется лакей, ведет его и супругу к другому столу, отодвигает для них стулья и подает карту.

— Где тут карту рассматривать, братец ты мой! Давай две котлеты или два бифштекса.

— Zwei Koteletten? О, ja... — отвечает лакей и бежит за требуемым, но в это время входит железнодорожный сторож и произносит что-то по-немецки, упоминая Берлин.

Пассажиры вскакивают из-за стола и принимаются рассчитывать.

— Что же это такое, Господи! Неужто же поезд отправляется? Ведь эдак не пивши, не евши уезжать надо. Берлин? — спрашивает он сторожа.

— Берлин, — отвечает тот.

— Глаша! Бежим! А то опоздаем!

Муж и жена вскакивают из-за стола. Появляется лакей с двумя котлетами.

— Некогда, некогда! — кричит ему Николай Иванович. — Давай скорей эти две котлеты. Мы с собою возьмем... Клади в носовой платок... Вот так... Глаша! Тащи со стола хлеба... В вагоне поедим. Человек! Менш! Получай... Вот две пол-

тины... Мало? Вот еще третья. Глаша. Скорей, а то опоздаем. Ну порядки!..

Муж и жена бегут из буфета.

– Николай Иваныч! Николай Иваныч! У меня юбка сваливается! – говорит на бегу жена.

– Не до юбок тут, матушка. Беги!

Они выбежали из буфета, бросились к поезду и вскочили в вагон.

V

– Глаша! Где же наши подушки, где же наши саквояжи? – воскликнул Николай Иванович, очутившись вместе с женой в вагоне.

– Боже мой, украли!.. Неужто украли? – всплеснула руками Глафира Семеновна. – Или украли, или мы не в тот вагон сели. Так и есть, не в тот вагон. Тот вагон был с серой, а этот с какой-то рыжей обивкой. Выходи скорей, выскакивай!

Николай Иванович бросился к запертым снаружи дверям купе, быстро отворил окно и закричал:

– Эй, хер, хер... хер кондуктор... Отворите... Мы не в тот вагон попали!

Но поезд уже тронулся и быстро ускорял свой ход. На крик никто не обратил внимания.

– Что же это такое? Как нам быть без подушек и без саквояжей! В саквояже у меня булки, сыр и икра. Ни прилечь,

ни поужинать будет нечем. Ведь этих двух котлет, что мы со станции захватили, для нас мало. Да и какие это котлеты!... Это даже и не котлеты... Они до того малы, что их две на ладонь уложишь, – вопила Глафира Семеновна.

– Не кричи, не кричи... На следующей станции пересядем в свой вагон, – уговаривал ее Николай Иванович. – Отыщем и пересядем.

– Как тут пересесть! Как тут вагон отыскивать, ежели поезд больше двух минут и на станции не стоит! Только выскочишь, а поезд уж и опять в путь... К тому же теперь вечер, а не день. Где тут отыскивать?

Какой-то немец в войлочной шапке, сидевший с ними в купе, видя их беспокойство, спросил их что-то по-немецки, но они не поняли и только вытаращили глаза. Немец повторил вопрос и прибавил слово «Гамбург».

– Постой... Мы даже, кажется, не в тот поезд сели. Немец что-то про Гамбург толкует, – испуганно проговорила Глафира Семеновна, обращаясь к мужу.

– Да что ты... Вот уха-то! Спроси же его, куда мы едем. Ведь можешь же ты хоть про это-то спросить?! Ведь ты все-таки чему же нибудь училась в пансионе.

Испуг придал Глафире Семеновне энергии. Она подумала, сложила кой-как в уме немецкую фразу и задала вопрос немцу:

– Ин Берлин вир фарен?³⁸ Берлин этот вагон?

---

³⁸ В Берлин мы едем?

– Nein, Madame, wir fahren nach Hamburg³⁹.

– Как нах Гамбург? А Берлин?

Немец отрицательно покачал головой и опять что-то про-
бормотал по-немецки.

– Да конечно же, не в том поезде едем, – чуть не сквозь
слезы сказала Глафира Семеновна.

Николай Иванович досадливо почесал затылок.

– Ну переплет! Беда без языка!.. – вырвалось у Николая
Ивановича.

– В Гамбург, в Гамбург едем... в Гамбург, – твердила Гла-
фира Семеновна.

– Да спроси ты у немца-то поосновательнее. Может быть,
поезд-то гамбургский, а Берлин по дороге будет.

– Как я спрошу, ежели я не умею! Спрашивай сам.

– Чему же ты училась в пансионе!

– А ты чему учился у своих немцев-колонистов и чухон-
цев?

– Я учился в лавке, продавая парусину, железо и веревки.
За меня в пансион разным мадам денег не платили. Я счет
по-немецки знаю, хмельные слова знаю.

– Ты хмельные, а я комнатные. Про поезда нас ничего не
учили.

Супруги уже начали ссориться, размахивая руками, но на-
конец Николай Иванович плюнул, оттолкнул от себя жену,
подсел в немцу и показал ему свои проездные билеты. Немец

---

³⁹ Нет, сударыня, мы едем в Гамбург.

посмотрел их и опять отрицательно покачал головой:

– Nein. Das ist nicht was. Die Fuhrkarten sind nach Berlin, aber wir fahren nach Hamburg⁴⁰.

– Да Берлин-то будет по дороге или нет? Вот что я вас спрашиваю! – раздраженно крикнул Николай Иванович. – Ну, может быть так, что сначала Берлин, а нахер Гамбург или сначала Гамбург, а нахер Берлин. Нихт ферштейн?⁴¹

– O, ja... ich verstehe... Berlin ist dort und Hamburg ist dort. Von Dirschau sind zwei Zweigen⁴².

Немец показал жестами в две противоположные стороны.

– Здравствуйте! Даже не в ту сторону и едем-то! – отскочил от немца Николай Иванович, поняв, что по дороге не будет Берлина, и набросился на жену: – А все ты с своими поправлениями в женской уборной. Все это через тебя мы перепутались... «Мне нужно поправиться! Мне нужно поправиться!» Вот и поправилась. В Гамбург вместо Берлина едем. На кой шут, спрашивается, нам этот Гамбург, ежели мы через Берлин в Париж едем? Немец показывает, что Берлин-то вон там, а нас эво куда относит.

– Не могу же я не сходить в дамскую уборную, ежели я шесть-семь часов, не выходя из вагона, сидела, – оправдывалась жена.

– А не можешь, так не ездй за границу. Немки же могут.

---

⁴⁰ Нет. Это не то. Билеты в Берлин, но мы едем в Гамбург.

⁴¹ Не понимаете?

⁴² О, да... я понимаю... Берлин там, а Гамбург там. От Диршау есть два пути.

Отчего же они могут? Или у них натура другая.

– Конечно же, должно быть, другая. Они к здешним порядкам привычны, а я непривычна.

– И ты за границу выехала, так должна привыкать. А то извольте видеть: надо в буфет есть идти, а она: «Я в дамскую уборную». Через тебя и еду прозевали. Нешто может быть человек сыт, съевши вот по эдакой котлетке, ежели он с утра не ел! Ведь, может быть, до самого Гамбурга другого куска в горло не попадет, кроме этой котлетины. А где этот самый Гамбург? Черт его знает, где он! Может быть, на краю света.

Глафира Семеновна сидела, держа в руке котлеты, завернутые в носовой платок, и плакала.

– Зачем же нам в Гамбург-то ехать? Мы выйдем вон из вагона на первой же станции, – говорила она.

– А черт их знает, будет ли еще по дороге станция-то, да и выпустят ли нас из этого вагона. Видишь, какие у них везде дурацкие порядки. Может быть, из вагона-то вплоть до Гамбурга и не выпустят. А заплати деньги сполна да и поезжай.

– Попросимся, чтобы выпустили. Скажем, что по ошибке не в тот поезд попали.

– Попросимся, скажем... А кто будет говорить, ежели по-немецки ты ни аза в глаза, а я еще меньше? Да и кого тут попросить, ежели и кондукторов-то не видать. У нас по железным дорогам кондукторы по вагонам шляются, чуть не через каждые десять минут билеты у тебя смотрят, машинками прорезают, будят тебя, ежели ты спишь, чуть не за но-

ги тебя со скамейки стаскивают то за тем, то за другим, а здесь более получаса в какой-то Гамбург едем – и ни одна кондукторская бестия не показывается! В Гамбург! На какой пес, спрашивается, нам этот Гамбург! – горячился Николай Иванович, но, увидав уже рыдающую жену, понизил голос и прибавил: – Не реви... Утри глаза платком и сиди без слез...

– Как же я могу утереться платком, ежели у меня в носовом платке котлеты! Ведь весь платок у меня в подливке. Сам же ты в Кенигсберге на станции в мой носовой платок котлеты с двух тарелок вывалил, – отвечала жена.

– Вынь из саквояжа чистый платок. Нехорошо в слезах. Вон немец смотрит.

– Да ведь саквояжи-то в том поезде остались.

– Тьфу!.. И то... Совсем спутался. Вот наказание-то! Ну возьми мой платок и вытрись моим платком.

– Лучше же я кончиком от своего платка... Кончик не замаран.

Глафира Семеновна поднесла платок с котлетами к глазам и кончиком его кое-как вытерла слезы. Николай Иванович увидал котлеты и сказал:

– Давай же съедим по котлетке-то... Есть смерть хочется...

– Съедим, – прошептала Глафира Семеновна, раскрывая платок. – Вот тут и протертый картофель есть... Только хлеба нет. Хлеба забыла взять.

Супруги принялись есть котлеты. Вошел кондуктор визи-

ровать билеты, увидел у супругов не те билеты, заговорил что-то по-немецки и наконец, возвыся голос, раскричался.

– Weg, weg! Sie müssen bald umsteigen und die Strafe zahlen⁴³, – кричал он.

– Про штраф говорит. Штраф возьмут, – пробормотал Николай Иванович жене и, обратясь к кондуктору, спросил: – Да геен⁴⁴ -то все-таки можно? Из вагона-то можно геен?.. Выпустят нас на станции?

– Кан ман на станции веггеен?⁴⁵ – поправила мужа жена.

– О, ja... ja... Bald wird die Station und Sie, müssen dort⁴⁶.

– Что он говорит? – интересовался Николай Иванович.

– Говорит, что сейчас будет станция и нас высадят.

– Ну слава тебе Господи!

Поезд уменьшал ход и наконец остановился. Супруги не вышли, а выскочили из вагона, словно из тюрьмы. Кондуктор сдал их начальнику станции, свистнул, вскочил на подножку вагона, и поезд опять помчался.

VI

Николай Иванович и Глафира Семеновна стояли перед

---

⁴³ Прочь, прочь! Вам скоро придется пересестъ на другой поезд и оплатить штраф.

⁴⁴ Идти.

⁴⁵ Можно... уйти?

⁴⁶ О, да... да... Скоро будет станция, и вы должны быть там.

начальником станции, совали ему свои билеты и ждали над собой суда.

– Вот, хер начальник станции, ехали мы в Берлин, попали черт знает куда, – говорил Николай Иванович, стараясь быть как можно учтивее, и даже приподнял шляпу.

Начальник станции, длинный и тощий, как хлыст, немец в красной фуражке и с сигарой в зубах, сделал ему в ответ на поклон под козырек и, не выпуская из зубов сигары, глубокомысленно стал рассматривать сунутую ему книжку билетов прямого сообщения до Парижа.

– Бите, загензи, вас махен? Вас махен?⁴⁷ – спрашивала, в свою очередь, Глафира Семеновна.

– Ага! – заговорила по-немецки! Заставила нужда калачи есть! – воскликнул Николай Иванович, с каким-то злорадством подмигивая жене.

– Заговорила потому, что обыкновенные комнатные слова потребовались. Комнатные слова я отлично знаю. Вас махен? Вас махен? – повторяла она перед начальником станции.

Тот понял вопрос, важно поднял голову и заговорил по-немецки. Говорил он с толком, с расстановкой, наставительно, часто упоминал Кенигсберг, Берлин, Диршау⁴⁸, слово

---

⁴⁷ Пожалуйста, скажите, что делать? Что делать?

⁴⁸ *Диршау* (нем. Dirschau) – ныне польский город Тчев (Tczew); расположен в низовьях Вислы выше по течению от Гданьска.

«Schnellzug»⁴⁹ и сопровождал все это пояснительными жестами. Глафира Семеновна, морщась от табачного дыма, который он пускал ей прямо в лицо, внимательно слушала, стараясь не проронить ни слова.

– Поняла? – спросил Николай Иванович жену.

– Да конечно же поняла. Слова самые обыкновенные. Штраф, купить билеты и ехать обратно в этот проклятый Кенигсберг.

– А когда, когда поезд-то в Кенигсберг пойдет? Спроси его по-немецки. Ведь можешь.

– Ви филь ур поезд ин Кенигсберг?

– Nach zwei Stunden, Madame⁵⁰.

– Что он говорит?

– Не понимаю. Ви филь ур? Ур, ур?.. – твердила она и показывала на часы.

– Um zehn Uhr⁵¹, nach zwei Stunden.

Начальник станции вынул свои карманные часы и показал на цифру 10.

– Через два часа можно ехать? Отлично. Бери, мусью, штраф и отпусти скорей душу на покаяние! – воскликнул радостно Николай Иванович, опустил руку в карман, вытащил оттуда несколько золотых монет и серебряных марок и протянул их на ладони начальнику станции. – Бери, бери...

---

⁴⁹ Скорый поезд.

⁵⁰ Через два часа, сударыня.

⁵¹ В десять часов.

Отбирай сам, сколько следует, и давай нам билеты до Кенигсберга. Сколько немецких полтин надо – столько и бери.

– Немензи, немензи штраф унд фюр билет, фюр цвей билет, – подтвердила жена. – Вир висен нихт ваш гельд. Немензи...⁵²

Начальник станции ослабил свое серьезное лицо в улыбку и, отсчитав себе несколько марок, прибавил:

– Hier ist Wartezimmer mit Speisesaal, wo Sie können essen und trinken...⁵³

– Тринкен? – еще радостнее воскликнул Николай Иванович и схватил начальника станции под руку. – Мосье! Пойдем вместе тринкен. Бир тринкен, шнапс тринкен. Комензи тринкен. Бир тринкен... Хотя вы и немец, а все-таки выпьем вместе. С радости выпьем. Давно я тринкен дожидаясь. Пойдем, пойдем. Нечего упираться-то... Коммензи, – тащил он его в буфет.

Через пять минут начальник станции и супруги сидели за столом в буфете.

– Шнапс! Бир... Живо! – командовал Николай Иванович кельнеру.

– Бифштекс! Котлету! – приказывала Глафира Семеновна. – Тэ... кафе... Бутерброды... Да побольше бутербродов. Филь бутербродов...

---

⁵² Возьмите, возьмите штраф и за билет, за два билет. Мы не знаем ваши деньги. Возьмите.

⁵³ Здесь есть зал ожидания со столовой, где вы можете поесть и попить.

Стол уставился яствами и питьями. Появился кюммель⁵⁴, появилось пиво, появились бутерброды с сыром и ветчиной, кофе со сливками. Начальник станции сидел, как аршин проглотивши, не изменяя серьезного выражения лица, и, выпив кюммелю, потягивал из кружки пиво.

– Водка-то у вас, хер, очень сладкая – кюммель, – говорил Николай Иванович, чокаясь с начальником станции своей кружкой. – Ведь такой водки рюмку выпьешь, да и претить она начнет. Неужто у вас здесь в Неметчине нет простой русской водки? Русишь водка? Нейн? Нейн? русишь водка?

Немец пробормотал что-то по-немецки и опять прихлебнул из кружки.

– Черт его знает, что он такое говорит! Глаша, ты поняла?

– Ни капельки. Это какие-то необыкновенные слова. Таким нас не учили.

– Ну наплевать! Будем пить и говорить, не понимая друг друга. Все-таки компания, все-таки живой человек, с которым можно чокнуться! Пей, господин немец. Что ты над кружкой-то сидишь! Пей... Тринкензи... Мы еще выпьем. Пей, пей...

Немец залпом dokonчил кружку.

– Анкор! Человек! Анкор... Менш... Еще цвей бир!.. – кричал Николай Иванович.

Появились новые кружки. Николай Иванович выпил зал-

---

⁵⁴ Кюммель – горький ликер на основе тмина.

пом.

Немец улыбнулся и выпил тоже залпом.

– Люблю, люблю за это! – воскликнул Николай Иванович и лез обнимать немца. – Еще бир тринкен. Цвей бир тринкен.

Немец не возражал, пожал руку Николая Ивановича и предложил ему сигару из своего портсигара. Николай Иванович взял и сказал, что потом выкурит, а прежде «эссен и тринкен», и действительно напустился на еду. Немец смотрел на него и что-то с важностью говорил, говорил долго.

– Постой, я его спрошу, как нам с нашими подушками и саквояжами быть, что в поезде уехали. Ведь не пропадать же им, – сказала Глафира Семеновна.

– А можешь?

– Да вот попробую. Слова-то тут не мудреные.

– Понатужься, Глаша, понатужься...

– Загензи бите, во ист наши саквояж и подушки? Мы саквояж и подушки ферлорен⁵⁵. То есть не ферлорен, нихт ферлорен, а наш багаж, наш саквояж в поезде остался... Багаж в цуг остался, – обратилась она к немцу. – Нихт ферштеен?

И дивное дело – немец понял.

– О, ja, ich verstehe, Madam. Вы говорите про багаж, который поехал из Кенигсберга в Берлин? Багаж ваш вы получите в Берлине, – заговорил он по-немецки. – Нужно только

---

⁵⁵ Скажите, пожалуйста, где наши саквояж и подушки? Мы саквояж и подушки потеряли.

телеграфировать. Nein, nein, das wird nicht verloren werden⁵⁶.

Поняла немца и Глафира Семеновна, услышав слова «wird nicht verloren werden, telegrafieren».

– Багаж наш не пропадет, ежели мы будем телеграфировать, – сказала она мужу. – Нам в Берлине его выдадут.

– Так пусть он телеграфирует, а мы с ним за это бутылку мадеры выпьем. Хер... Телеграфирензи... Бите, телеграфирензи. Вот гельд, и телеграфирензи, а я скажу данке⁵⁷, и мы будем тринкен, мадера тринкен.

– O ja, mit Vergnügen⁵⁸, – проговорил немец, взял деньги и, поднявшись с места, пошел на телеграф.

Через пять минут он вернулся и принес квитанцию.

– Hier jetzt seien Sie nicht bange⁵⁹, – сказал он и потрепал Николая Ивановича по плечу.

– Вот за это данке так данке! Человек! Менш! Эйне фляше мадера! – крикнул тот и, обратясь к немцу: – Тринкен мадера?

– O ja, Kellner, bringen Sie...⁶⁰

– Кельнер! Кельнер! А я и забыл, как по-немецки прислуживающий-то называется. Кельнер! Мадера.

Появилась мадера и была выпита. Лица у начальника

---

⁵⁶ Нет-нет, это не потеряется.

⁵⁷ Спасибо.

⁵⁸ О да, с удовольствием.

⁵⁹ Вот теперь не тревожьтесь.

⁶⁰ О да, официант, принесите...

станции и у Николая Ивановича раскраснелись. Оба были уже на втором взводе, оба говорили один по-немецки, другой по-русски, и оба не понимали друг друга.

Перед прибытием поезда, отправляющегося в Кенигсберг, они вышли на платформу и дружественно похлопывали друг друга по плечу. Николай Иванович лез обниматься и целоваться, но начальник станции пятился. Когда поезд подъехал к платформе, начальник станции распростился с Николаем Ивановичем и на этот раз поцеловался с ним, посадил его в вагон и крикнул:

– Glückliche Reise!⁶¹

Поезд помчался.

VII

Поезд мчался к Кенигсбергу, куда начальник станции неизвестно для чего отправил обратно супругов, так как и на той станции, где они пили с ним пиво и мадеру, можно бы было дожидаться прямого берлинского поезда, который не миновал бы станции. Очевидно, тут было какое-то недопонимание, и начальник станции и супруги не поняли друг друга. Да и на станции-то не следовало им слезать с того поезда, в который они сели по ошибке, а следовало только пересест из гамбургского вагона в берлинский и выйти гораз-

---

⁶¹ Счастливой поездки!

до дальше на станции у разветвления дороги, но супруги были, выражаясь словами Николая Ивановича, без языка: сами никого не понимали, и их никто не понимал, отчего все это и случилось.

Николай Иванович сидел с женой в купе и твердил.

– Кенигсберг, Кенигсберг... Наделал он нам переполоху! В гроб лягу, а не забуду этого города, чтоб ему ни дна ни покрывки! И наверное, жидовский город.

– Почему ты так думаешь? – спросила жена.

– Да вот, собственно, из-за «берга». Все жида «берги»: Розенберги, Тугенберги, Ейзенберги, Таненберги. Удивительно, что я прежде про этот заграничный город ничего не слышал. Новый какой, что ли?

– Нет, мы про него в пансионе даже в географии учили.

– Отчего же ты мне про него раньше ничего не сказала? Я бы и остерегся.

– Да что же я тебе скажу?

– А вот то, что в нем обычай, что по телеграфу обед заказывать надо. Наверное, уж про это-то в географии сказано... Иначе на что же тогда география? Ведь географию-то для путешествия учат.

– Ничего в нашей географии ни про обед, ни про телеграммы сказано не было. Я очень чудесно помню.

Николай Иванович скорчил гримасу и проворчал:

– Хорош, значит, пансион был! Из немецкого языка только комнатным словам обучали, а из географии ничего про

обеда не учили. Самого-то главного и не учили.

– Да чего ты ворчишь-то! Ведь уж напился и наелся с немцем на станции.

– Конечно же, привел Бог пожевать и легкую муху с немцем урезать, но все-таки... А хороший этот начальник станции, Глаша, попался... Ведь вот и немец, а какой хороший человек! Все-таки посидели, поговорили по душе, выпили, – благодушно бормотал Николай Иванович, наконец умолк и начал засыпать.

Мадера дала себя знать.

– Коля! Ты не спи! – толкнула его жена. – А то ведь эдак немудрено и проспать этот проклятый Кенигсберг. Тут как только крикнут, что Кенигсберг, – сейчас и выскакивать из вагона надо, а то живо куда-нибудь дальше провезут.

– Да я не сплю, не сплю. А только разик носом клюнул. Намадерился малость, вот и дремлетя.

– Кенигсберг! – крикнул наконец кондуктор, заглянув в купе, и отобрал билеты до Кенигсберга.

Через минуту поезд остановился. Опять освещенный вокзал, опять столовая с снующими от стола к столу кельнерами, разносящими кружки пива. Первым делом пришлось справляться, когда идет поезд в Берлин. Для верности супруги обращались к каждому железнодорожному сторожу, к каждому кельнеру, показывали свои билеты и спрашивали:

– Берлин? Ви филь ур? Берлин?

Оказалось, что поезд в Берлин пойдет через два часа. Все

говорили в один голос. Несловоохотливым или спешащим куда-нибудь Николай Иванович совал в руку по «гривеннику», как он выражался, то есть по десяти пфеннигов, – и уста их отверзались. Некоторые, однако, не советовали ехать с этим поездом, так как этот поезд идет не прямо в Берлин и что придется пересаживаться из вагона в вагон, и указывали на следующей поезд, который пойдет через пять часов, но супруги, разумеется, ничего этого не поняли.

– Das ist Bummelzug und bis Berlin müssen Sie zwei Mal umsteigen, – твердил Николаю Ивановичу какой-то железнодорожный сторож, получившей на кружку пива. – Bummelzug. Haben Sie verstanden?⁶²

– Данке, данке... Цвей ур ждать? Ну подождем цвей ур. Это наплевать. Тем временем пивца можно выпить, – и от полноты чувств Николай Иванович потряс сторожа за руку. – Как я, Глаша, по-немецки-то говорить научился! – отнесся он к жене. – Ну, теперь можно и пивца выпить. Надеюсь, что уж хоть пиво-то можно без телеграммы пить. Пиво не еда.

Супруги уселись к столу.

– Кельнер! Цвей бир! – крикнул Николай Иванович.

Подали пиво.

– Без телеграммы, – кивнул он жене. – Попробовать разве и по бутерброду съесть. Может быть, тоже без телеграммы.

– Да по телеграмме только обеды табльдот, а что по карте,

---

⁶² Это медленный поезд, и вам придется дважды пересесть, чтобы добраться до Берлина... Медленный поезд. Вы поняли?

то без телеграммы, – отвечала жена. – Ведь русский-то, прошлый раз сидевший за столом, явственно тебе объяснил.

– Ну?! В таком разе я закажу себе селянку⁶³ на сковородке. Есть смерть хочется. Как по-немецки селянка на сковородке?

– Да почему же я-то знаю!

– Постой, я сам спрошу. Кельнер! Хабензи⁶⁴ селянка на сковородке? – обратился Николай Иванович к кельнеру.

Тот выпучил на него глаза.

– Селянка, – повторил Николай Иванович – Сборная селянка... Капуста, ветчина, почки, дичина там всякая. Нихт ферштейн? Ничего не понимает. Глаша! Ну как отварной поросенок под хреном? Спрошу хоть поросенка.

Жена задумалась.

– Неужто и этого не знаешь?

– Постой... Знаю... Свинья – швейн. А вот поросенок-то...

– Ребеночка от швейн хабензи? – спрашивал Николай Иванович кельнера.

– Швейнбратен?⁶⁵ О! я... – отвечал кельнер.

– Да не брата нам надо, а дитю от швейн.

– Дитя по-немецки – кинд, – вмешалась жена. – Постой, я

---

⁶³ Селянка – сборное блюдо из разных ингредиентов, в данном случае из капусты и мяса.

⁶⁴ Имеется у вас.

⁶⁵ Жаркое из свинины?

спрошу. Швейнкинд хабензи? – задала она вопрос кельнеру.

– Постой, постой... Только швейнкинд отварной, холодный...

– Кальт, – прибавила жена.

– Да, со сметаной и с хреном. Хабензи?

– Nein, mein Herr, – отвечал кельнер, еле удерживая смех.

– Ну вот видишь, стало быть, и по карте ничего нельзя потребовать без телеграммы. Говорят – нейн, – подмигнул жене Николай Иванович. – Ну порядки!

– А как же мы котлеты-то давеча, когда были здесь в первый раз, в платок с тарелки свалили.

– Ну уж это как-нибудь впопыхах и кельнер не расчихал, в чем дело, а может быть, думал, что и была от нас телеграмма. Да просто мы тогда нахрапом взяли котлеты. Котлеты взяли, деньги на стол бросили и убежали. А теперь, очевидно, нельзя. Нельзя, кельнер?

– Видишь, говорит, что нельзя.

– Nein, mein Herr.

– А ты дай ему на чай, так, может быть, будет и можно, – советовала жена. – Сунь ему в руку. За двугривенный все сделает.

– А в самом деле попробовать?! Кельнер, немензи вот на э и брингензи швейнкинд. Бери, бери... Чего ты? Никто не увидит. Будто по телеграмме, – совал Николай Иванович кельнеру две десятипфенниговые монеты.

Кельнер не взял.

– Nein, mein Herr. Ich habe schon gesagt, dass wir haben nicht⁶⁶.

– Не берет... Значит, у них строго и нельзя.

– Так спроси хоть бутербродов с сыром. Может быть, бутерброды можно, – сказала жена. – И мне что-то есть хочется.

– А бутерброды можно без телеграммы? – снова обратился Николай Иванович к кельнеру.

– Бутерброд мит кезе и мит флейш⁶⁷, – прибавила жена.

– О, ja, Madame.

Кельнер побежал и явился с бутербродами.

– Ну слава Богу! – воскликнул Николай Иванович и принялся есть. – То есть скажи у нас в рынке кому угодно, что есть в Немецчине такой город, где приезжающим на станции обедать и ужинать только по телеграммам дают, – решительно никто не поверит, – рассуждал он, разводя от удивления руками.

VIII

Поезд, которого ожидали Николай Иванович и Глафира Семеновна, чтобы ехать в Берлин, должен был прийти в Кенигсберг в час ночи. Лишь только часовая стрелка на часах в буфете показала половину первого, как уже супруги встре-

---

⁶⁶ Нет, сударь. Я уже сказал, что у нас нет.

⁶⁷ Бутерброд с сыром и с мясом.

пенулись и стали собираться выходить на платформу.

– Скорей, Глаша, скорей, а то как бы не опоздать. Черт их знает, какие у них тут порядки! Может быть, и раньше поезд придет. А уж на платформе будем стоять, так не опоздаем, – торопил Николай Иванович жену. – Как подойдет поезд, так и вскочим. Ну, живо!

– Пойдем, пойдем, – отвечала жена, выходя из-за стола. – Да вот еще что:хвати ты с собой несколько бутербродов в запас в вагон, благо их здесь без телеграмм дают, а то, может быть, на других станциях и бутербродов без телеграмм не дадут, так что завтра утром ни позавтракать, ни пообедать будет нечем.

– И то дело, и то дело...

Захвачен был целый пакет бутербродов, и супруги вышли на платформу. На платформе никого еще из публики не было. Бродила железнодорожная прислуга и покуривали сигары и трубки.

– Надо поспрашивать их, а то как бы не ошибиться, – сказала Глафира Семеновна и, обратясь к сторожу, спросила: – Ин Берлин? Ви филь ур?

– Noch eine halbe Stunde⁶⁸, – отвечал тот.

– Что он говорит? – задал вопрос Николай Иванович.

– Да Бог его знает что... Что-то непонятное.

– Так ты переспроси.

– Ин Берлин? Эйн ур?

---

⁶⁸ Еще полчаса.

– Ja, ja, Madame, um eins...

– В час, верно.

Таким же манером был спрошен второй сторож, третий, четвертый и пятый. Ответы были одинаковые. Каждому сторожу Николай Иванович совал в руку по десятипфенниговой монете, говоря: «немензи и тринкензи». Сторожа благодарили словом «данке» и удивленно смотрели на щедрых русских.

– Теперь уж верно. Все в один голос говорят, что в час, – проговорил Николай Иванович, тяжело вздохнув.

Ровно в час к платформе подошел поезд и выпустил пассажиров. Супруги ринулись к вагонам и вскочили в первое попавшееся купе. Там уже сидели два немца – один тощий, другой толстый.

– Хер... Бите... – обратился к ним Николай Иванович. – Вас ист дас?⁶⁹ Берлин?

– О, ja... Man kann auch nach Berlin fahren⁷⁰, – дал ответ толстяк.

– Берлин? Слава тебе Господи!

Заглянул в вагон кондуктор и спросил билеты. Посмотрев на билеты супругов, он сказал:

– In Dirschau müssen Sie umsteigen⁷¹.

– Глаша! Что он сказал?

---

⁶⁹ Что это?

⁷⁰ О, да... Можно поехать и в Берлин.

⁷¹ В Диршау вам нужно сделать пересадку.

– Пес его знает, что, – отвечала жена и задала вопрос кондуктору: – Берлин?

– Ja, ja... Aber in Dirschau werden Sie umsteigen, – повторил кондуктор. – Этот вагон от Диршау пойдет на Данциг, а в Диршау вы сядете в другой поезд, который пойдет в Берлин, – прибавил он также по-немецки, но супруги из всего этого поняли только слово «Берлин».

– Не ошиблись: Берлин, – кивнул жене Николай Иванович.

Свисток, отклик на паровозе – и поезд помчался.

– Любопытно бы было знать, в котором часу мы будем завтра в Берлине? – говорила Глафира Семеновна мужу.

– А ты понатужься да и спроси вот у этого толстенького немца. У него лицо основательное.

Глафира Семеновна сообразила, беззвучно пошевелила несколько раз губами и спросила:

– Берлин ви филь ур?

– Ganz genau, Madame, kann ich nicht sagen. Am Morgen werden Sie in Berlin sein⁷².

– Что он, Глаша, говорит?

Глафира Семеновна, понявшая только слово «морген» и переведшая его по-русски словом «завтра», отвечала:

– Говорит, что завтра, а про час ничего не сказал. Что завтра-то, так мы и сами знаем.

– Так ты переспроси. Или постой, я переспрошу. Берлин

---

⁷² Я не могу сказать точно, сударыня. Утром вы будете в Берлине.

ви филь ур?

Немец развел руками:

– Um wie viel Uhr, das weiss ich nicht, aber ich weiss nur, dass am Morgen früh...⁷³

– Тыфу пропасть! Опять завтра.

На следующей станции тот же вопрос был предложен кондуктору. Кондуктор отвечал по-немецки:

– Я езжу до Данцига. Это другая ветвь. Про Берлин не могу сказать, – и опять прибавил слово «морген», то есть «утром», но супруги опять-таки перевели это слово словом «завтра».

– Снова завтра! А когда завтра: днем, вечером или ночью? Вот народ-то? Кондуктор едет при поезде, а не знает, в котором часу на место приедет. Глаша, спроси ты его, по крайней мере, ночью или днем.

– Как я спрошу, ежели я не умею.

– Неужто ты не знаешь, как по-немецки ночь и день? Ведь эти слова комнатные.

– Ночь – нахт, день – таг?

– Так вот и сади. Или я сам... Кондуктор, Берлин – нахт или таг?

– Am Morgen früh, mein Herr⁷⁴.

– Фу-ты, чтоб тебе провалиться, немецкая анафема!

Николай Иванович обозлился и продолжал ругаться.

---

⁷³ В котором часу, этого я не знаю, но я только знаю, что рано утром.

⁷⁴ Рано утром, сударь.

– Коля! – остановила его жена.

– Что такое: Коля! Дай отругаться-то, дай душу отвести!

И опять помчался поезд, останавливаясь на минуту и на две на станциях. В вагон заглядывали кондукторы, простригали, отрывали клочки и целые билеты из книжки прямого сообщения и всякий раз предупреждали, что в Диршау придется пересестъ в другой поезд, твердя: «In Dirschau müssen Sie umsteigen». Супруги затвердили уже и слова «Диршау» и «умштейн», но все-таки не могли понять, что они обозначают.

– Черт его знает, что он такое говорит: «дырша да умштеген!» – разводил всякий раз руками Николай Иванович и с досады плевал.

– Не горячись, не горячись. Ведь уже все в один голос говорят, что едем мы в берлинском вагоне и в Берлин, стало быть, горячиться тут нечего. Пускай их что хотят говорят. Только бы благополучно доехать, – останавливала его Глафира Семеновна, стараясь успокоить.

Супруг наконец успокоился и начал дремать.

IX

Через несколько минут поезд остановился. Застукали железные молотки о чугунные колеса вагонов, засуетились кондукторы, распахивая дверцы вагонов купе. Слышались возгласы: «Dirschau! Dirschau! Drei Minuten...» Глафира Семе-

новна спокойно сидела около открытой двери купе и смотрела на платформу, по которой сновали носильщики с багажом, катились тележки с ящиками и тюками, суежилась публика, размахивая руками с зонтиками, баульчиками, связкой пледа. Николай Иванович спал, похрапывая самым аппетитным образом. Вдруг к их купе подбежал кондуктор, несколько минут тому назад ревизовавший их билеты, и поспешно воскликнул, обращаясь к Глафире Семеновне:

– Madame, was sitzen Sie denn? Sie reisen nach Berlin, also hier müssen Sie umsteigen! Das ist schon Dirschau⁷⁵.

Глафира Семеновна ничего не поняла и, не шевелясь, смотрела во все глаза.

– Dirschau! müssen umsteigen! – повторил кондуктор и сделал жест, приглашающий ее выйти из вагона. – Schneller! Schneller! Umsonst werden Sie nach Danzig fahren⁷⁶.

– Коля! Да проснись же! Смотри, что он говорит! – засуетилась Глафира Семеновна, расталкивая мужа.

Тот проснулся и потягивался. Кондуктор кричал: «Schnell, schnell» – и показывал, что надо выходить из вагона.

– Коля! да прочухайся же! Он махает и показывает, чтобы мы выходили из вагона, – продолжала Глафира Семеновна. – Поломалось что-нибудь, что ли?

---

⁷⁵ Сударыня, что вы сидите? Вы едете в Берлин, так что здесь вам нужно пересесть! Это уже Диршау.

⁷⁶ Быстрее! Быстрее! Вы понапрасну поедете в Данциг.

– Да почем же я-то знаю! – зевал Николай Иванович всю ширину рта. – Спроси. Ведь ты все-таки лучше меня знаешь немецкий язык.

– Вир ин Берлин⁷⁷, – сказала кондуктору Глафира Семеновна.

– Ja, ja. Nach Berlin. Also hier müssen Sie umsteigen und weiter fahren. Gott im Himmel! Was tun Sie denn? Es bleibt nur eine Halbe Minute. Weg von Waggon⁷⁸.

И опять жест, приглашающий выйти из вагона. Николая Ивановича кондуктор даже схватил за руку и протянул к двери.

– Черт его знает, куда он меня тащит? – упирался тот. – Приехали, что ли? Хер кондуктор, Берлин?

– Ja, ja... Berlin... Schneller! Schneller!

– Глаша! Вообрази, в Берлин приехали! Вот так штука! – восклицал Николай Иванович, вытянутый уже кондуктором на платформу.

– Да что ты!

– Schneller, schneller, Madame! Um Gottes willen, schneller⁷⁹.

– Выходи скорей! Вот неожиданность-то! Думали, что завтра приедем в Берлин, а приехали ночью.

---

⁷⁷ Мы в Берлин.

⁷⁸ Да, да. В Берлин. Так что здесь вам придется пересесть и ехать дальше. Отец Небесный! Что же вы делаете? Осталось всего полминуты. Выходите из вагона.

⁷⁹ Быстрее, быстрее, сударыня! Ради Бога, быстрее.

Выскочила из вагона и Глафира Семеновна, но все еще не верила и спрашивала кондуктора:

– Берлин? Берлин?

– Да, да... Отсюда вы должны ехать. Поезд вам укажут, – отвечал тот по-немецки.

Николай Иванович совал ему в руку два «немецких грибенника» и говорил:

– Данке, очень данке... Спасибо, что предупредили.

Кондуктор захлопнул дверцы купе. Раздался свисток, и поезд помчался.

– Вот неожиданность-то! Приехали, в Берлин приехали! – бормотал Николай Иванович на платформе. – Как же немцы-то нам все твердили, что морген, морген, то есть завтра.

– Да ведь уж оно завтра и есть. Ведь говорили-то нам вчера. Ежели по часам судить, то теперь уж завтра, потому утро, – отвечала супруга. – Ну пойдем. Надо в гостиницу ехать. Ведь мы решили сутки пробыть в Берлине и посмотреть город.

Они двинулись к станционным дверям. В окна виднелся буфет и снующие кельнеры.

– Вокзалишка-то неважный, – говорил Николай Иванович, переступая порог станционного дома. – Я думал, что в Берлине уж и не ведь какой шикарный вокзал. Будешь что-нибудь есть и пить на станции?

– Какое теперь питье и еда! Только бы скорей до постели. Поедем скорее в гостиницу. Вон гостиничный швейцар сто-

ит, и у него на шапке «Готель-де-Берлин» написано. Поедем с ним. Наверное, у них карета. Он нам и наш багаж выправит. Дай ему квитанцию.

– Надо ведь еще про саквояж и подушки справиться, которые мы в том прежнем поезде оставили. Ведь уж телеграмму нашу они наверное получили.

– Завтра справимся, завтра. Какая теперь справка! Поедем скорей в гостиницу. Даже и насчет багажа можно завтра утром. Где теперь хлопотать! Завтра встанем и пошлем с квитанцией. Швейцар и насчет подушек, саквояжей справится. Марья Ивановна говорила, что в Берлине в гостиницах есть такие лакеи, которые говорят по-русски. Вот такому и объясним все основательно.

Николай Иванович подошел к гостиничному швейцару с надписью на шапке и крикнул:

– Готель-де-Берлин! Нумер? Есть нумера?

Тот удивленно посмотрел на него и спросил:

– Was für ein Nummer fragen Sie, mein Herr?⁸⁰

– Комнату нам нужно... Циммер, – пояснила Глафира Семеновна.

Швейцар встрепнулся:

– Ein Logement wünschen Sie? Ein Zimmer? O ja, Madame, bitte... Haben Sie Koffer? Bagage?⁸¹

---

⁸⁰ О каком номере вы спрашиваете, сударь?

⁸¹ Хотите поселиться? Комната? О да, сударыня, пожалуйста... У вас есть чемоданы, багаж?

– Багаж морген, морген. Шнель ин готель. Вир волен шляфен⁸².

– Bagage kann man bald kriegen. Geben Sie nur die Quittung⁸³.

– Нейн... Багаж морген...

– Also, bitte, Madame⁸⁴.

Швейцар пригласил их следовать за собой.

– Карета у вас здесь, что ли? – спрашивал его Николай Иванович, но швейцар не понял и смотрел на него вопросительно. – Глаша! Как карета-то по-немецки? Спроси, – обратился Николай Иванович к жене.

– Ваген. Хабензи ваген? – задала она вопрос швейцару.

– O, nein, Madame. Hier ist unweit. Nur zwanzig Schritte⁸⁵.

– Глаша! что он говорит?

– Говорит, что нет кареты, а про что остальное бормочет – кто ж его разберет.

Кондуктор вывел супругов со станции и повел по плохо освещенной улице. Это удивило Николая Ивановича.

– Да в Берлин уж мы приехали? Не перепутались ли опять как? Черт его знает, может быть, кондуктор и в насмешку нам наврал, – говорил он. – Мне рассказывали, что Берлин залит газом. Кроме того, электрическое освещение. А здесь

---

⁸² Быстрее в отель. Мы хотим спать.

⁸³ Багаж можно быстро получить. Просто дайте квитанцию.

⁸⁴ Тогда пожалуйста, сударыня.

⁸⁵ О нет, сударыня. Здесь недалеко. Всего двадцать шагов.

смотри, какая темень.

– Берлин? – спросила Глафира Семеновна швейцара.

– О, я, мадам. Готель-де-Берлин, – отвечал швейцар, думая, что его спрашивают, из какой он гостиницы.

– И этот отвечает, что Берлин. Странно. А улица совсем темная. Только кой-где фонарик блестит. Да и народу-то на улице не видать. Ни народу, ни извозчиков, – дивился Николай Иванович.

Гостиница была действительно недалеко. Швейцар остановился около запертого, одним фонарем освещенного подъезда и позвонился. Дверь распахнули. Вышел непрезентабельный человек с заспанным лицом и в сером пиджаке и повел Николая Ивановича и Глафиру Семеновну во второй этаж показывать комнату.

– Drei Mark, – сказал он.

– Три марки. Это, стало быть, три немецкие полтины, – соображал Николай Иванович, оглядывая довольно чистенькую комнату с двух кроватях, и ответил непрезентабельному человеку: – Ну гут.

Через полчаса Николай Иванович и Глафира Семеновна покоились уже крепчайшим сном в номере гостиницы «Берлин», находящейся на главной улице маленького немецкого городка Диршау. Засыпая, Николай Иванович говорил жене:

– То есть так рад, что и сказать не умею, что я попал наконец в Берлин.

– И я тоже, – отвечала жена.

Х

Глафира Семеновна утром проснулась первой, открыла глаза, потянулась под жиденьким пуховиком, заменяющим в Германии теплое одеяло, и проговорила:

– Николай Иваныч, ты не спишь?

В ответ на это послышался легкий всхрап и скрипнула кровать. Николай Иванович перевернулся на другой бок.

– Коля, вставай. Пора вставать. Смотри, как мы проспали: одиннадцатый час. Когда же мы будем осматривать город? Ведь надо умыться, одеться, чаю напиться, послать за нашим багажом и отыскать наши саквояжи и подушки. Ведь здесь, в Берлине, мы решили пробыть только один день.

Николай Иванович что-то промычал, но не пошевелился. Жена продолжала его будить:

– Вставай! Проспишь полдня, так много ли тогда нам останется сегодня на осмотр города.

– Сегодня не осмотрим, так завтра осмотрим. Куда торопиться? Над нами не каплет, – пробормотал муж.

– Нет, нет, уж как ты там хочешь, а в немецкой земле я больше одного дня не останусь! Поедем скорей в Париж. Что это за земля, помилуйте! Ни позавтракать, ни пообедать нельзя настоящим манером без телеграммы. Питайся одними бутербродами. К сухоедению я не привыкла.

Глафира Семеновна быстро встала с постели и принялась

одеваться. Николай Иванович протянул руку к ночному столу, вынул из портсигара папиросу, закурил ее и продолжал лежать, потягиваясь и побрякивая.

– Да и сегодня прошу тебя сделать как-нибудь так, чтобы нам здесь можно было пообедать настоящим манером с говяжьим супом и горячими бифштексами или котлетами, – просила Глафира Семеновна мужа. – Здесь такой обычай, чтоб обедать проезжающим по телеграмме, – ну пошли им в гостиницу откуда-нибудь телеграмму, закажи обед – ну их, пусть подавятся.

– В гостинице-то, я думаю, можно обедать и без телеграмм. Телеграммы только для станций на железных дорогах, – отвечал муж.

– Все-таки пошли телеграмму. Расход невелик, а, по крайней мере, тогда пообедаем наверное... Телеграмму я тебе сама напишу. Я знаю как... «Готель Берлин... Дине ин фир ур»⁸⁶ – и потом нашу фамилию. Даже и не дине, – поправились Глафира Семеновна. – Дине – это по-французски, а по-немецки – митаг. «Митаг ин фир ур» – вот и все.

– Лучше же прежде спросить кельнера. Я уверен, что для Берлина телеграммы не надо, – стоял на своем Николай Иванович.

– Ну уж это спрашивать, так наверное перепутаешься. Скажут – да, а потом окажется, что нет, – и сиди голодом. Беда за границей без языка. Вот ежели бы мы говорили по-

---

⁸⁶ Обед в четыре часа (фр. и нем.).

немецки настоящим манером...

– Вдвоем-то как-нибудь понатужимся.

– Нам и так придется много натуживаться. Багаж надо добывать, саквояжи и подушки разыскать. Да что ж ты валяешься-то! Вставай... Смотри, уж одиннадцать часов!

Глафира Семеновна возвысила голос и сдернула с мужа пуховик. Муж принялся одеваться.

Через несколько минут супруги умылись, были одеты и звонили кельнера. Тот явился, поклонился и встал в почтительной позе.

– Самовар, – обратился к нему Николай Иванович. – А тэ не надо. Тэ у нас есть. Цукер также есть.

Кельнер глядел на него во все глаза и наконец спросил:

– Tea wünschen Sie, mein Herr?⁸⁷

– Не тэ, а просто самовар без цукер и без тэ. Глаша, как самовар по-немецки.

– Постой... Пусть уж просто чай несет. Может быть, самовар принесет?

– Да зачем же, ежели у нас есть свой чай?

– Ничего. Где тут с ним объясняться! Видишь, он ничего не понимает из нашего разговора. Брингензи тэ на двоих. Тэ фюр цвей.

– Wünschen Sie auch Brot und Butter, Madame?⁸⁸ – спросил кельнер.

---

⁸⁷ Хотите чаю, сударь?

⁸⁸ Хотите также хлеб и масло, сударыня?

Глафира Семеновна поняла и отвечала:

– Я... я... Брод и бутер. Да брингензи цитрон, брингензи кезе... И брод побольше... филь брод...⁸⁹ Я, Николай Иванович, ужасно есть хочу.

Кельнер поклонился и стал уходить.

– Постойте... Вартензи, – остановила его Глафира Семеновна. – Флейш можно бринген? Я говядины, Николай Иванович, заказываю. Может быть, и принесут. Флейш брингензи, калът флейш⁹⁰.

– Kaltfleisch⁹¹, Madame?

– Калът, калът. Только побольше. Филь...

Явился чай, но без самовара. Кипяток или, лучше сказать, теплую воду подали в большом молочном кувшине.

– А самовар? Ферштеензи: самовар, – спрашивала Глафира Семеновна. – Самовар мит угли... с угольями... с огнем... мит фейер, – старалась она пояснить и даже издала губами звуки – пуф, пуф, пуф, изображая вылетающий из-под крышки самовара пар.

Кельнер улыбнулся:

– Sie wünschen Theemaschine⁹².

– Да, да... Я, я... Тэмашине, – подхватила Глафира Семеновна.

---

⁸⁹ Хлеб и масло. Да принесите лимон, принесите сыр... И хлеб... много хлеба...

⁹⁰ Подождите... Мясо принесите, холодное мясо.

⁹¹ Холодное мясо, сударыня?

⁹² Вы хотите чайную машину.

новна. – Вот поди ж ты, какое слово забыла. А ведь прежде знала. Тэмашине.

– Theemaschine haben wir nicht, Madame. Das wird selten gefragt bei uns⁹³.

– Нейн?

– Nein, – отрицательно потряс головой кельнер.

– Извольте видеть, нет у них самовара! Ну Берлин! В хорошей гостинице даже самовара нет, тогда как у нас на каждом постоялом дворе. Ну а кипяток откуда же мы возьмем? Хейс вассер?⁹⁴

– Hier, – указал кельнер на кувшин.

– Здесь? Да это какой же кипяток! Это просто чуть тепленькая водица. Даже и пар от него не идет. Нам нужен кипяток, ферштеензи – кипяток, хейс вассер. И наконец, тут мало. Тут и на две чашки для двоих не хватит, а мы хотим филь, много, мы будем пить по пять, по шесть чашек. Ферштеензи – фюнф, зехс тассе⁹⁵.

– Брось, Глаша. Ну их к лешему. Как-нибудь и так напьемся. Видишь, здесь в Неме́тчине все наоборот, все шиворот-навыворот: на перинах не спят, а перинами покрываются, кипяток подают не в чайниках-арбузах, а в молочниках, – перебил жену Николай Иванович.

---

⁹³ У нас нет чайной машины, сударыня. У нас редко ее спрашивают.

⁹⁴ Горячая вода?

⁹⁵ Понимаете – пять, шесть чашек.

– И обедают по телеграммам, – прибавила та. – Геензи⁹⁶, – кивнула она кельнеру, давая знать, чтобы он удалился, но вдруг вспомнила и остановила его: – Или нет, постойте. Нам нужно получить наш багаж со станции. Багаже бекомен. Вот квитанция... Хир квитанц, – подала она кельнеру бумажку. – Ман кан?⁹⁷

– О, ja, Madame, – отвечал кельнер, принимая квитанцию.

– Ну так брингензи... Да вот еще квитанц от телеграмма... Вир хабен... – начала Глафира Семеновна, но сейчас же остановилась и, обратясь к мужу, сказала: – Вот тут-то я и не знаю, как мне с ним объясниться насчет наших саквояжей и подушек, что мы оставили в поезде. Ты уж помогай как-нибудь. Хир телеграмма. Вир хабен в вагоне наши саквояжи и подушки ферлорен... То есть не ферлорен, а геляссен в Кенигсберг, а саквояжи и подушки фарен ин Берлин⁹⁸.

Кельнер стоял, слушал и тарачил глаза.

– Саквояжи и подушки. Ферштейн? – старался пояснить Николай Иванович, снял с постели подушку и показал кельнеру.

– Kissen?⁹⁹ – спросил кельнер.

– Вот, вот... Киссен... В вагоне геляссен. Вир хабен геляссен и телеграфирен.

---

⁹⁶ Идите.

⁹⁷ Можно?

⁹⁸ То есть не потеряли, а оставили... а саквояжи и подушки поехали в Берлин.

⁹⁹ Подушка?

Кельнер взял квитанции от багажа и неотправленную телеграмму и удалился.

– Бьюсь об заклад, что ничего не понял! – воскликнул ему вслед Николай Иванович.

– Как не понять! Наверное понял, – отвечала Глафира Семеновна. – Я ему все обстоятельно сказала. Я теперь уж многие немецкие слова вспомнила и говорю лучше, чем вчера. Да и вообще научилась в дороге. Это ты только ничему не можешь выучиться.

Она принялась пить чай и истреблять бутерброды с сыром и телятиной. Послышался стук в дверь, и кельнер вернулся. В руке он держал квитанции и улыбался.

– Мы сейчас разглядели в конторе квитанции. По этим квитанциям вы можете получить ваш багаж и вещи только в Берлине, а не здесь, – сказал он по-немецки, кладя квитанции на стол.

Супруги в недоумении глядели на него и не понимали, что он говорит.

– Коля, ты не понял, что он говорит? – спросила мужа Глафира Семеновна. – Я решительно ничего не понимаю.

– А мне-то откуда же понимать, ежели я немецким словам в лавке от чухон учился.

– Дурак! – выбранилась жена и, обратясь к кельнеру, сказала:

– Брингензи, брингензи багаже. Мы заплатим.

– Das kann man nicht, Madame. Das werden Sie in Berlin

kriegen¹⁰⁰.

– Ну да, ин Берлин. Ведь мы в Берлине. Вир ин Берлин, вир зицен ин Берлин¹⁰¹. Хир Берлин?

– Hier ist Dirschau, Madame... Stadt Dirschau...

Глафира Семеновна начала соображать и вспыхнула.

– Как Диршау? Какой штат Диршау?! – воскликнула она. – Берлин!

– Nein, Madame.

Кельнер снял со стены карту гостиницы, поднес к Глафире Семеновне и указал на заголовок, где было напечатано по-немецки: «Hotel de Berlin in Dirschau». Читать по-немецки Глафира Семеновна умела, она прочла и вскрикнула:

– Николай Иванович! Да знаешь ли ты, что мы приехали не в Берлин, а в какой-то город Диршау?

– Да что ты... Неужели?... – пробормотал Николай Иванович, разинул рот от удивления и стал скоблить затылок.

XI

– Ну что ж это такое! Ведь уж это совсем из рук вон! Ведь это ни на что не похоже! – сердилась Глафира Семеновна, всплескивая руками и бегая по комнате. – Вот уж сколько времени едем в Берлин, колесим, колесим и все в него попасть не можем. Второй раз не в то место попадаем. Дир-

---

¹⁰⁰ Это невозможно, сударыня. Вы получите это в Берлине.

¹⁰¹ Мы в Берлине, мы сидим в Берлине.

шау... Какой это такой Диршау? Где он? – остановилась она в вопросительной позе перед Николаем Ивановичем.

Тот по прежнему сидел, досадливо кряхтел и чесал затылок.

– Николай Иваныч, я вас спрашиваю! Что вы идолом-то сидите! Где это такой Диршау? В какой он такой местности? Может быть, мы опять не по той железной дороге поехали?

– Да почем же я-то знаю, матушка! – отвечал муж.

– Однако вы все-таки в Коммерческом училище¹⁰² учились.

– Всего только полтора года пробыл, да и то там всей моей науки только и было, что я на клиросе дискантом пел¹⁰³ да в классе в стальные перья играл¹⁰⁴. А ты вот четыре года в пансионе у мадамы по стульям елозила, да и то ничего не знаешь.

– Наша наука была дамская: мы танцевать учились да кошельки бисерные вязать и поздравления в Рождество, в день ангела папеньке и маменьке писать; так откуда же мне о каком-то Диршау знать! Справьтесь же, наконец, как нам отсюда в Берлин попасть! Наверное, мы в какое-нибудь немец-

---

¹⁰² *Коммерческое училище* – среднее специальное учебное заведение для подготовки к торговой деятельности юношей из купеческих, мещанских, ремесленных и крестьянских семей.

¹⁰³ ...я на клиросе дискантом пел... – То есть был хористом в церковном хоре.

¹⁰⁴ ...да в классе в стальные перья играл. – Имеется в виду игра в «перышки», популярная в 1870–1890-е гг. Задача игры – перевернуть стальное перышко с «брюха» на «спинку».

кое захолустье заехали, потому что здесь в гостинице даже самовара нет.

– Как я справлюсь? Как?.. Начнешь справляться – и опять перепутаешься. Ведь я ехал за границу, так на тебя понадеялся. Ты стрекотала как сорока, что и по-французски, и по-немецки в пансионе училась.

– И в самом деле училась, да что же поделаешь, ежели все слова перезабыла. Рассчитывайтесь же скорее здесь в гостинице и пойдемте на железную дорогу, чтоб в Берлин ехать. С какой стати нам здесь-то сидеть.

– Я в Берлин не поеду, ни за что не поеду! Чтоб ей сдохнуть, этой Неметчине! Провались она совсем! Прямо в Париж. Так и будем спрашивать – где тут дорога в Париж.

– А багаж-то наш? А чемоданы-то наши? А саквояжи с подушками? Ведь они в Берлин поехали, так надо же за ними заехать. Ведь у нас все вещи там, мне даже сморкнуться не во что.

– Ах, черт возьми! Вот закуска-то! – схватился Николай Иванович за голову. – Ну переплет! Господи Боже мой, да скоро ли же кончатся все эти немецкие мучения! Я уверен, что во французской земле лучше и там люди по-человечески живут. А все-таки надо ехать в Берлин, – сказал он и прибавил: – Ну вот что... До Берлина мы только доедем, возьмем там на станции наш багаж и сейчас же в Париж. Согласна?

– Да как же не согласна-то! Мы только едем по Неметчине и нигде в ней настоящим манером не останавливаемся, а уж

и то она мне успела надоесть хуже горькой редьки. Скорей в Париж, скорей! По-французски я все-таки лучше знаю.

– Может быть, тоже только «пермете муа сортир»¹⁰⁵ говоришь? Так эти-то слова и я знаю.

– Что ты, что ты... У нас в пансионе даже гувернантка была француженка. Она не из настоящих француженок, но все-таки всегда с нами по-французски говорила.

Николай Иванович позвонил кельнера.

– Сколько гельд за все происшествие? Ви филь? – спросил он, указывая на комнату и на сервировку чая. – Мы едем в Берлин. Скорей счет.

Кельнер побежал за счетом и принес его. Николай Иванович подал золотой. Ему сдали сдачи.

– Сколько взяли? – спрашивала Глафира Семеновна мужа.

– Да кто ж их знает! Разве у них разберешь? Сколько хотели, столько и взяли. Вон счет-то, бери его с собой. В вагоне на досуге разберешь, ежели сможешь. Скорей, Глафира Семеновна! Скорей! Надевай пальто, и идем.

Супруги оделись и вышли из комнаты. Кельнер стоял и ждал подачки на чай.

– Дай ему два-три гривенника. Видишь, он на чай ждет, – сказала Глафира Семеновна.

– За что? За то, что вместо Берлина облыжно в какой-то паршивый Диршау заманил? Вот ему вместо чая!

---

¹⁰⁵ Разрешите мне выйти.

И Николай Иванович показал кельнеру кулак.

– Mein Herr! Was machen Sie?!¹⁰⁶ – попятился кельнер.

– Нечего: мейн хер! Не заманивай. Мы явственно спрашивали, Берлин ли это или не Берлин.

– Да ведь не у него, а у швейцара.

– Одна шайка. Проезжающих тут у них нет – вот они и давай надувать народ.

Глафира Семеновна однако сжалилась над кельнером, обернулась и сунула ему в руку два «гривенника».

Вышли на подъезд. Кланялся швейцар, ожидая подачки.

– Я тебя, мерзавец! – кивнул ему Николай Иванович. – Ты благодари Бога, что я тебе бока не обломал.

– Да брось. Ну чего тут? Ведь нужно будет у него спросить, где тут железная дорога, по которой в Берлин надо ехать, – остановила мужа Глафира Семеновна, сунула швейцару два «гривенника» и спросила: – Во ист ейзенбан ин Берлин?¹⁰⁷

– Это здесь, мадам. Это недалеко. Дорога в Берлин та же самая, по которой вы к нам приехали, – отвечал швейцар по-немецки, указывая на виднеющееся в конце улицы серенькое здание.

– На ту же самую станцию указывает! – воскликнул Николай Иванович. – Врет, врёт, Глаша, не слушай. А то опять захороводимся.

– Да ведь мы на станции-то опять спросим. Спросим и

---

¹⁰⁶ Сударь! Что вы делаете?!

¹⁰⁷ Где железная дорога в Берлин?

проверим. Язык до Киева доведет.

– Нас-то он что-то не больно-то доводит. Ну двигайся.

Они шли по улице по направлению к станционному дому.

– Ах, кабы по дороге какого-нибудь бродячего торговца-татарина встретить и у него носовой платок купить, а то мне даже утереться нечем.

– Утрешься и бумажкой.

По дороге, однако, был магазин, где на окне лежали носовые платки. Супруги зашли в него и купили полдюжины платков. Пользуясь случаем, Глафира Семеновна и у приказчика в магазине спросила, где железная дорога, по которой можно ехать в Берлин. Приказчик, очень учтивый молодой человек, вывел супругов из магазина на улицу и указал на то же здание, на которое указывал и швейцар.

– Видишь, стало быть, швейцар не соврал, – отнеслась к мужу Глафира Семеновна.

На станции опять расспросы словами и пантомимами. Кой-как добились, что поезд идет через полтора часа.

– Ой, врут! Ой, надувают! Уж такое это немецкое сословие надувательное! – говорил Николай Иванович. – Ты, Глаша, спроси еще.

И опять расспросы. Ответ был тот же самый.

– Да поняла ли ты настоящим манером? – все сомневался Николай Иванович.

– Да как же не понять-то? Три человека часы вынимали и прямо на цифры указывали, когда поезд в Берлин идет. Ведь

я цифры-то знаю.

– Да в Берлин ли? Не заехать бы опять в какой-нибудь новый Диршау...

– В вагоне будем спрашивать.

Промаячив на станции полтора часа и все еще расспрашивая у каждого встречного о поезде в Берлин, супруги наконец очутились в вагоне. Их усадил какой-то сердобольный железнодорожный сторож, видя их замешательство и беспокойное беганье по вокзалу.

– Да ин Берлин ли? – снова спросил Николай Иванович, суя ему в руку два «гривенника». – Вир Берлин?

– Berlin, Berlin. Direct nach Berlin¹⁰⁸, – ответил сторож.

Поезд тронулся.

– Доедем до Берлина, никуда не попадая, – свечку в рубль поставлю, – произнес Николай Иванович.

– Ах, дай-то Бог! – пробормотала Глафира Семеновна и украдкой перекрестилась.

XII

Путь от Диршау до Берлина Николай Иванович и Глафира Семеновна проехали без особенных приключений. Они ехали в вагоне прямого сообщения, и пересаживаться им уже нигде не пришлось. Поезд летел стрелой, останавливаясь на

---

¹⁰⁸ Прямо на Берлин.

станциях, как и до Диршау, не более одной-двух минут, но голодать им не пришлось. Станционные мальчишки-кельнеры разносили по платформе подносы с бутербродами и стаканы пива и совали их в окна вагонов желающим. Глафира Семеновна, отличающаяся вообще хорошим аппетитом, набрасывалась на бутерброды и набивала ими рот во все время пути. Николай Иванович пил пиво, где только можно, залпом проглатывая по большому стакану, а иногда и по два, и значительно повеселел и даже раз вступил в разговор с каким-то немцем о солдатах. Разговор начался с того, что Николай Иванович кивнул жене на партию прусских солдат, стоящих группой на какой-то станции, и сказал:

– Глаша, смотри, какие немецкие-то солдаты – маленькие, худенькие, совсем вроде как бы лимонский скот¹⁰⁹. Наш казак таких солдат пяток штук одной рукой уберет.

Сидевший против Николая Ивановича угрюмый немец, усердно посасывающий сигару, услышав в русском разговоре слова «солдат» и «казак», тотчас же от нечего делать спросил его по-немецки:

– А у вас в России много солдат и казаков?

Николай Иванович, тоже понявший из немецкой фразы только слова «Russland», «viel», «Soldaten» и «Kosaken», воскликнул:

– У нас-то? В Руссланд? Филь, филь... Так филь, что просто ужаси. И солдат филь, и казаков филь. И наш казак

---

¹⁰⁹ *Лимонский скот* – имеется в виду лиможская (лимузинская) порода коров.

нешто такой, как ваши солдаты? У вас солдаты тоненькие, клейн¹¹⁰, их плевком перешибить, а наш казак – во!.. – сказал он, поднялся с дивана и показал рукой до потолка. – Кулачище у него – во, в три пуда¹¹¹ весом.

Николай Иванович сложил руку в кулак и поднес его немцу чуть не под нос. Немец, поняв так, что этим кулаком Николай Иванович хочет показать, что в случае войны русские так сожмут в кулак немцев, пожал плечами и, пробормотав: «Ну, это еще Бог знает», умолк и прекратил разговор. Николай же Иванович, воспламенившись разговором, не унимался и продолжал доказывать силу казака.

– Ваш солдат нешто может столько шнапс тринкен, сколько наш казак будет тринкен? Вы, немцы, бир тринкен можете филь, а чтоб шнапс тринкен – вас на это нет. Что русскому здорово, то немцу смерть. Наш казак вот такой гляс¹¹² шнапс тринкен может, из которого дейч менш бир тринкен, и наш руссиш менш будет ни в одном глазе... А ваш дейч менш под лавку свалится, у него подмикитки ослабнут. У нас щи да кашу едят, а у вас суп-брандахлыст да колбасу; наш солдат черным-то хлебом напнется, так двоих-троих дейч менш свалит, а ваш дейч солдат на белой булке сидит. Оттого наш руссиш солдат и силен. Ферштейн?

Немец молчал и улыбался. Николай Иванович продолжал:

---

¹¹⁰ Маленький.

¹¹¹ Пуд — 16,38 кг.

¹¹² Стакан.

– С вашей еды силы не нагуляешь. Мы вот в вашем Кенигсберге вздумали поестъ, эссен, и нам подали котлеты меньше куриного носа; а у нас коммензи в трактир Тестова в Москве, так тебе котлету-то словно от слона выворотят. Ваши котлеты клейн, а наши котлеты gros.

В довершение всего, Николай Иванович стал рассказывать немцу о казацкой ловкости на коне и даже стал показывать в вагоне некоторые приемы казацкой джигитовки.

– А у вас, у дейч солдат, ничего этого нет, – закончил он и отер платком выступивший на лбу пот.

– Да что ты ему рассказываешь-то, – заметила мужу Глафира Семеновна. – Ведь он все равно по-русски не понимает.

– Да ведь я с немецкими словами, так как же не понять! Не бойся, понял, – подмигнул Николай Иванович. – Понял и умолк, потому чувствует, что я правду...

Вечером приехали в Берлин. Поезд, проходя над улицами и минуя громадные дома с вывесками, въехал наконец в блестяще освещенный электричеством вокзал и остановился.

– Вот он, Берлин-то! – воскликнул Николай Иванович. – Тут уж, и не спрашивая, можно догадаться, что это Берлин. Смотри, в вокзале-то какая толкотня. Словно в Нижнем во время ярмарки под главным домом¹¹³, – обратился он к жене. – Ну, выходи скорей из вагона, а то дальше куда-нибудь

---

¹¹³ *Словно в Нижнем во время ярмарки под главным домом...* – В Нижнем Новгороде проходила крупнейшая в России ярмарка; строительство нового Главного ярмарочного дома в Нижнем Новгороде было закончено в 1890 г.

увезут.

Они вышли из вагона.

– Багаже где можно взять? Багаже? – сунул Николай Иванович какому-то сторожу квитанцию.

– Weiter, mein Herr¹¹⁴, – отмахнулся тот и указал куда-то рукой.

– Багаже... – сунулся Николай Иванович к другому сторожу, и опять тот же ответ.

Пришлось выйти к самому выходу из вокзала. Там около дверей стояли швейцары гостиниц, с модными бляхами на фуражках, и приглашали к себе путешественников, выкрикивая название своей гостиницы. Один из таких швейцаров, слыша русский разговор Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, прямо обратился к ним на ломаном русском языке:

– В наш готель говорят по-русски. В наш готель первая ранг комната от два марка до двадцать марка!

– Глаша! слышишь! По-русски болтает! – радостно воскликнул Николай Иванович и чуть не бросился к швейцару на шею: – Голубчик! Нам багаж надо получить. По-немецки мы ни в зуб и уж претерпели в дороге от этого, яко Иов многострадаальный! Три немецких полтинника на чай, выручи только откуда-нибудь багаж.

– Можно, можно, ваше превосходительство. Давайте ваш квитунг и садитесь в наша карета, – отвечал швейцар.

---

¹¹⁴ Дальше, сударь.

– Вот квитанция. Да, кроме того, надо саквояжи и подушки получить. Мы растерялись в дороге и забыли в вагоне все наши вещи.

Николай Иванович передал швейцару происшествие с саквояжами.

– Все сделаю. Садитесь прежде в наша карета, – приглашал швейцар.

– Да нам не нужно кареты, мы не останемся в Берлине; мы побудем на вокзале и в Париж поедem. Нам не нужно вашей гостиницы, – отвечала Глафира Семеновна.

– Тогда я не могу делать ваш коммиссион. Я служу в готель. Швейцар сухо протянул квитанцию обратно.

– Да уж делайте, делайте! Выручайте багаж и вещи! Мы поедem к вам в гостиницу! – воскликнул Николай Иванович. – Черт с ними, Глаша! Остановимся у них в гостинице и переночуем ночку. К тому же теперь поздно. Куда ехать на ночь глядя? Очень уж я рад, что попался человек, который по-русски-то говорит, – уговаривал он супругу и прибавил швейцару: – Веди, веди, брат, нас в твою карету!

Через четверть часа супруги ехали по ярко освещенным улицам Берлина в гостиницу.

– Не поезжай к ним в гостиницу – ни подушек, ни саквояжей своих не выручили бы и опять как нибудь перепутались бы. Без языка – беда, – говорил Николай Иванович, сидя около своих вещей.

ХІІІ

— Ну уж ты как хочешь, Николай Иванович, а я здесь, в Берлине, больше одной ночи ни за что не останусь. Чтоб завтра же в Париж ехать! С первым поездом ехать, — говорила Глафира Семеновна. — Немецкая земля положительно нам не ко двору. Помилуйте, что это за земля такая, где, куда ни сунешься, наверное не в то место попадешь.

— Да уж ладно, ладно, завтра поедем, — отвечал Николай Иванович. — Пиво здесь хорошо. Только из-за пива и побывать стоит. Пива сегодня попьем вволю, а завтра поедем.

— Я даже и теперь-то сомневаюсь, туда ли мы попали, куда следует.

— То есть как это?

— Да в Берлин ли?

— Ну вот! Как же мы иначе багаж-то наш получили бы? Как же забытые-то в вагоне саквояжи и подушки выручили бы? Ведь они до Берлина были отправлены.

— Все может случиться.

— Однако ты видишь, по каким мы богатым улицам едем. Все газом и электричеством залито.

— А все-таки ты спроси у швейцара-то еще раз — Берлин ли это?

Николай Иванович поднял стекло кареты и высунулся к сидящему на козлах, рядом с кучером, швейцару:

– Послушайте... Как вас? Мы вот все сомневаемся – Берлин ли это?

– Берлин, Берлин. Вот теперь мы едем по знаменитая улица Unter den Linden, Под Липами, – отвечал швейцар.

– Что ж тут знаменитого, что она под липами? У нас, брат, в Петербурге этих самых лип на бульварах хоть отбавляй, но мы знаменитыми их не считаем. Вот Бисмарка¹¹⁵ вашего мы считаем знаменитым, потому в какой журнал или газету ни взгляни – везде он торчит. Где он тут у вас сидит-то, показывай. В натуре на него все-таки посмотреть любопытно.

– Fürst¹¹⁶ Бисмарк теперь нет в Берлине, господин.

– Самого-то главного и нет. Ну а где у вас тут самое лучшее пиво?

– Пиво везде хорошо. Лучше берлинский пиво нет. Вот это знаменитый Бранденбургер тор¹¹⁷, – указывал швейцар.

– По-нашему, Триумфальные ворота. Так. Это, брат, есть и у нас. Этим нас не удивишь. Вы вот их за знаменитые считаете, а мы ни за что не считаем, так что даже и стоят-то они у нас в Петербурге на краю города, и мимо их только быков на бойню гоняют¹¹⁸. Скоро приедем в гостиницу?

---

¹¹⁵ *Бисмарк Отто фон* (1815–1898) – первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

¹¹⁶ Князь.

¹¹⁷ *Бранденбургер тор* (*Бранденбургские ворота*) – триумфальные ворота в центре Берлина, построенные в 1789–1791 гг., главный символ города.

¹¹⁸ *Триумфальные ворота... в Петербурге на краю города, и мимо их только быков на бойню гоняют.* – Имеются в виду Московские триумфальные ворота

– Сейчас, сейчас, ваше превосходительство.

Карета остановилась около ярко освещенного подъезда гостиницы. Швейцар соскочил с козел, стал высаживать из кареты Николая Ивановича и Глафиру Семеновну и ввел их в притвор. Второй швейцар, находившийся в притворе, позвонил в объемистый колокол. Где-то откликнулся колокол с более нежным тоном. С лестницы сбежал кельнер во фраке.

– Sie wünschen ein Zimmer, mein Herr?¹¹⁹

– Я, я... Только не грабить, а брать цену настоящую, – отвечали Николай Иванович.

– Der Herr spricht nicht deutsch¹²⁰, – кивнул швейцар кельнеру и, обратясь к Николаю Ивановичу, сказал: – За пять марок мы вам дадим отличная комната с две кровати.

– Это то есть за пять полтинников, что ли? Ваша немецкая марка – полтинник?

– Немножко побольше. Пожалуйста, мадам... Прошу, господин.

Супруги вошли в какую-то маленькую комнату. Швейцар захлопнул стеклянную дверь. Раздался электрический звонок, потом легкий свисток, и комната начала подниматься, уходя в темноту.

– Ай, ай! – взвизгнула Глафира Семеновна. – Николай

(1838), возведенные на Забалканском (ныне Московском) проспекте недалеко от первой в России скотобойни (1825).

¹¹⁹ Вам нужна комната, сударь?

¹²⁰ Господин не говорит по-немецки.

Иваныч! Голубчик! Что это такое? – ухватила она за мужа, трясась, как в лихорадке.

– Это, мадам, подъемный машин, – отвечал голос швейцара.

– Не надо нам, ничего не надо! Отворите!.. Пустите... Я боюсь... Впотьмах еще. Бог знает что сделается... Выпустите...

– Как можно, мадам... Теперь нельзя... Теперь можно убиться.

– Николай Иваныч! Да что ж ты молчишь, как истукан!

Николай Иванович и сам перепугался. Он тяжело отдувался и наконец проговорил:

– Потерпи, Глаша... Уповай на Бога. Куда-нибудь доедем.

Через минуту подъемная машина остановилась, и швейцар распахнул дверцу и сказал: «Прошу, мадам».

– Тьфу ты, чтоб вам сдохнуть с вашей проклятой машиной! – плевался Николай Иванович, выходя на площадку лестницы и выводя жену. – Сильно перепугалась?

– Ужаси!.. Руки, ноги трясутся. Я думала, и не ведь куда нас тащат. Место чужое, незнакомое, вокруг все немцы... Думаю, вот-вот в темноте за горло схватят.

– Мадам, здесь отель первый ранг, – вставил замечание швейцар, как бы обиженный.

– Плевать я хотела на ваш ранг! Вы прежде спросите, желают ли люди в вашей чертовой люльке качаться. Вам только бы деньги с проезжающих за ваши фокусы сорвать. Не плати

им, Николай Иванович, за эту анафемскую клетку, ничего не плати...

– Мадам, мы за подъемную машину ничего не берем.

– А не берете, так с вас нужно брать за беспокойство и испуг. А вдруг со мной сделались бы нервы и я упала бы в обморок?

– Пардон, мадам... Мы не хотели...

– Нам, брат, из вашего пардона не шубу шить, – огрызнулся Николай Иванович. – Успокойся, Глаша, успокойся.

– Все ли еще у меня цело? Здесь ли брошка-то бриллиантовая? – ощупывала Глафира Семеновна брошку.

– Да что вы, мадам... Кроме меня и ваш супруг, никого в подъемной карете не было, – конфузился швейцар, повел супругов по коридору и отворил номер.

– Вот... Из ваших окон будет самый лучший вид на Паризерплац¹²¹.

– Цены-то архаровские¹²², – сказал Николай Иванович, заглядывая в комнату, которую швейцар осветил газовым рожком. – Войдем, Глаша.

---

¹²¹ *Паризерплац* (*Парижская площадь*) – площадь в центре Берлина, возле Бранденбургских ворот.

¹²² *Цены-то архаровские*... – Здесь: нечестные, грабительские. Первоначально архаровцами называли московских полицейских – от фамилии московского обер-полицмейстера Н. П. Архарова, который разработал систему жестких мер по подавлению преступности; его подчиненные действовали вероломно, и слово «архаровцы» приобрело негативное значение: им стали называть не блюстителей порядка, а его нарушителей – хулиганов и преступников.

Глафира Семеновна медлила входить.

— А вдруг и эта комната потемнеет и куда-нибудь подниматься начнет? — сказала она. — Я, Николай Иванович, решительно больше не могу этого переносить. Со мной сейчас же нервы сделаются, и тогда смотрите, вам же будет хуже.

— Да нет же, нет. Это уж обыкновенная комната.

— Кто их знает! В их немецкой земле все наоборот. Без машины эта комната? Никуда она не опустится и не поднимется? — спрашивала она швейцара.

— О нет, мадам! Это самый обыкновенный комната.

Глафира Семеновна робко переступила порог.

— О Господи! Только бы переночевать — да вон скорей из этой земли! — бормотала она.

— Ну так и быть, останемся здесь, — сказал Николай Иванович, садясь в кресло. — Велите принести наши вещи. А как вас звать? — обратился он к швейцару.

— Франц.

— Ну, хер Франц, так уж вы так при нас и будете с вашим русским языком. Три полтины обещал дать на чай за вырубку наших вещей на железной дороге, а ежели при нас сегодня вечером состоять будете и завтра нас в какой следует настоящий вагон посадите, чтобы нам, не перепутавшись, в Париж ехать, то шесть полтин дам. Согласен?

— С удовольствием, ваше превосходительство. Теперь не прикажете ли что-нибудь из буфета?

— Чайку прежде всего.

– Даже русский самовар можем дать.

Швейцар позвонил, вызвал кельнера и сказал ему что-то по-немецки.

– Глаша! Слышишь! Даже русский самовар подадут, – сказал Николай Иванович жене, которая сидела насупившись. – Да что ты, дурочка, не бойся. Ведь уж эта комната неподвижная. Никуда нас в ней не потянут.

– Пожалуйста, за немцев не ручайся. Озорники для проезжающих. Уж ежели здесь заставляют по телеграммам обещать, то чего же тебе?..

– Ах да... Поужинать-то все-таки сегодня горячим будет можно?

– О да... У нас лучший кухня.

– И никакой телеграммы посылать сюда не надо? – спросила швейцара Глафира Семеновна.

Швейцар посмотрел на нее удивленно и отвечал:

– Зачем телеграмма? Никакой телеграмма.

XIV

После того как швейцар удалился, кельнер подал чай и тот русский самовар, которым похвастался швейцар. Глафира Семеновна хоть и была еще все в тревоге от испуга на подъемной машине, но при виде самовара тотчас же расхохоталась.

– Смотри, смотри... И это они называют русский само-

вар! Ни трубы, ни поддувала, — обратилась она к мужу. — Какое-то большое мельхиоровое яйцо с краном, а внизу спиртовая лампа — вот и все.

— Брось уж. Не видишь разве, что здесь люди без понятия к русской жизни, — отвечал презрительно Николай Иванович. — Немцы, хоть ты кол им на голове теши, так ничего не поделаешь. Ну, я пока буду умываться, а ты разливай чай. Напьемся чайку и слегка булочками закусим, а уж на ночь поужинаем вплотную.

— Геензи, кельнер... ничего больше. Нихтс, — кивнула Глафира Семеновна кельнеру.

Напившись чаю, Николай Иванович опять позвонил швейцара.

— Ну, хер Франц, надо нам будет немножко Берлин посмотреть. Веди, — сказал Николаи Иванович.

— Нет, нет... Ни за что я никуда не пойду! — воскликнула Глафира Семеновна. — Еще опять в какую-нибудь машину вроде подъемной попадешь и перепугаешься.

— Да что ты, глупая! Хер Франц теперь предупредит, коли ежели что.

— Да, да, мадам. Будьте покойны. Больше ничего не случится, — отвечал швейцар.

— Пойдем, Глаша, — упрашивал жену Николай Иванович.

— Ну хорошо. Только уж спускаться я ни за что не буду на вашей подъемной машине.

— Вы где это, хер Франц, русской-то образованности обу-

чались, в какой такой академии наук? – задал Николай Иванович вопрос швейцару.

– Я, мосье, в Варшаву один большой готел управлял, там и научился.

– А сам-то вы немец?

– Я больше поляк, чем немец.

– О, не жид ли?

– Что вы, ваше превосходительство! Я поляк, но родился в Кенигсберг...

– В Кенигсберге? Ну, проку не будет! – воскликнула Глафира Семеновна. – Я умирать буду, так и то этот город вспомню. В этом городе нам обедать не дали и потребовали какую-то телеграмму, в этом городе мы перепутались и попали вместо берлинского поезда в какой-то гамбургский поезд и приехали туда, куда совсем не следует.

– Да ведь гамбургский поезд тот же, что и берлинский поезд. От Кенигсберг оба поезд идут до Диршау...

– Диршау? Ох, про этот город и не говорите. Этот город просто ужасный город! – воскликнул, в свою очередь, Николай Иванович. – Там живут просто какие-то разбойники. Они обманным образом заманили нас туда, сказав, что это Берлин, и продержали целую ночь в гостинице, чтобы содрать за постой.

Швейцар пожал плечами:

– Удивительно, как это случилось, что вы говорите про Кенигсберг. От Кенигсберга до Диршау один поезд и на Гам-

бург, и на Берлин. Вам нужно было только слезть в Диршау и пересесть в другой поезд.

– Ну а нам сказали, что надо поехать обратно в Кенигсберг, и мы, не доезжая Диршау, вышли из вагона на какой-то станции и поехали обратно в Кенигсберг, чтоб из Кенигсберга сесть в берлинский поезд.

– Это шутка. Это кто-нибудь шутки с вами сделал.

– Как шутки! Нам кондуктор сказал и даже высапил нас чуть не силой. Нам начальник станции сказал и даже штраф хотел взять.

– Вас надули, господин, или вы не поняли чего-нибудь. Поезд от Кенигсберга как на Берлин, так и на Гамбург – один, и только в Диршау он делится, – стоял на своем швейцар.

– Да нет же, нет! – воскликнул Николай Иванович.

– Ну что ты споришь, Коля!.. – остановила его жена. – Конечно же, нас могли и надуть, и в насмешку; конечно же, мы могли и не понять, что нам говорили по-немецки. Толкуют, а кто их разберет – что толкуют. Я по-немецки только комнатные слова знаю, а ты хмельные, так разве мудрено понять все шиворот-навыворот? Так и вышло.

– Уверяю вас, господин, что вам не следовало ехать обратно в Кенигсберг, чтобы садиться в берлинский поезд. Дорога до Диршау одна. Я это очень хорошо знаю, – уверял швейцар. – Я служил на эта дорога.

Николай Иванович досадливо чесал затылок и повторял: – Без языка, без языка... Беда без языка!.. Ну, однако, что

ж у вас в Берлине сегодня вечером посмотреть? – обратился он к швейцару.

– В театры теперь уже поздно, не успеем к началу, но можно побывать в нашем аквариуме.

– Ах, и у вас так же, как и в Петербурге, есть аквариум? Глаша! слышишь, и у них в Берлине есть аквариум.

– Наш берлинский аквариум¹²³ – знаменитый аквариум. Первый в Европа.

– Bravo. А кто у вас там играет¹²⁴?

Швейцар посмотрел на него удивленными глазами и отвечал:

– Рыбы... Рыбы... Рыбы там и амфибии.

– Да неужели рыбы?

– О, господин, там рыб много. Есть рыбы с моря, есть рыбы с океан.

– И играют?

– Да, да... играют.

– Глаша, слышишь! В аквариуме-то ихнем рыбы играют.

Надо непременно пойти и послушать.

---

¹²³ *Берлинский аквариум* был построен в 1869 г. на углу Унтер-ден-Линден и Фридрихштрассе по проекту А. Брема, автора многотомной «Жизни животных».

¹²⁴ *А кто у вас там играет?* – Герои имеют в виду увеселительный театр-сад «Аквариум» на Каменноостровском проспекте в Санкт-Петербурге (ныне территория «Ленфильма»), организованный в 1886 г. В 1888 г. в саду был построен большой стеклянный зал, где имелись ресторанные столики. Читатели переизданий «Наших за границей» могли также вспомнить московский сад и театр, который получил название «Аквариум» в 1898 г.

– Да что ты?.. – удивилась Глафира Семеновна.

– Вот рассказывает. Ведь этого в другой раз ни за что не услышишь. А кто у них дирижирует? Как вы сказали? – допытывался Николай Иванович.

– То есть как это? Я ничего не сказал, – удивился швейцар.

– Нет, нет... Вы сказали. Такая немецкая фамилия. Анти... Антиби...

– Я сказал, что там есть рыбы и амфибиен, – повторил швейцар.

– Послушаем, брат, хер Франц, этого Амфибиена, послушаем. Веди нас. Глаша, одевайся! Это недалеко?

– Да почти рядом. Unter den Linden, – отвечал швейцар.

– Это что же такое? Я по-немецки не понимаю.

– Наш бульвар Под Липами. Я давеча вам показывал.

– Ах, помню, помню. Ну, Глаша, поворачивайся, а то будет поздно. Да вот что, хер Франц, закажи, брат, нам здесь в гостинице ужин к двенадцати часам, а то я боюсь, как бы нам голодным не остаться.

– Зачем здесь? – подмигнул Николаю Ивановичу швейцар, ободренный его фамильярностью. – Мы найдем и лучше здешнего ресторан, веселый ресторан.

– Ну вали! Жарь! Вот это отлично. Люблю, кто мне потрафляет. Глаша!

– Я готова.

Из-за алькова вышла Глафира Семеновна в ватерпруфе¹²⁵

---

¹²⁵ Ватерпруф (англ. water-proof – водонепроницаемый) – непромокаемое

и шляпке, и супруги стали выходить из номера. Сзади их шел швейцар.

XV

Глафира Семеновна и Николай Иванович, в сопровождении швейцара, сошли по лестнице гостиницы и вышли на улицу, прилегающую в бульвару Unter den Linden, и вскоре свернули на него. Был уже девятый час вечера; некоторые магазины запирались, потушив газ в окнах, но уличное движение не утихало. Громыхали колесами экипажи, омнибусы, пронзительно щелкали бичи, вереницами тянулись ломовые извозчики с громадными фурами, нагруженными поклажей чуть не до третьего этажа домов и везомыми парой, тройкой и даже четверкой лошадей в ряд и цугом. Легкие экипажи сторонились и давали дорогу этим чудовищам.

– Вот эта наша знаменитая улица Под Липами, – похвастался швейцар. – Наш Невский перспектив.

– А ежели это у вас на манер нашего Невского проспекта, то зачем же у вас ломовых-то пускают загромождать дорогу? – спросил Николай Иванович. – Смотри-ка, какие фуры! Чуть не с дом.

– А куда же деваться? Ведь это улица. Они едут по свой дело.

– Объезжай по задним улицам. Тут прогулка чистой пуб-
пальто.

лики, и вдруг лезет ломовой. Да еще какой ломовой! На саженных¹²⁶ колесах и в тройку лошадей! Нет, у нас, в Петербурге, по главным улицам этим дубинам ездить не позволяют¹²⁷. Колеси по закоулкам. Нехороши, брат Франц, у вас на счет этого порядка, нехороши, хоть и Берлин.

– Но ежели ему нужно. Ведь он по делу, – опять повторил швейцар.

– Мало ли что нужно! Мало ли что по делу! Объезжай. Куда ему торопиться! Над ним не каплет. Ведь не в театр к началу представления спешит.

– Но ведь через это доставка товара должна быть дороже.

– То есть как это?

– Да так. Ехать по прямой путь – он сделает больше рейсов и может за провоз взять дешевле! Тут экономи, большой экономи.

– Глаша! Слышишь, как рассуждают! Вот на обухе-то рожь молотят! – отнесся Николай Иванович к жене.

– Да уж известно, немцы. Как же им иначе-то рассуждать! – отвечала та.

– И зачем у вас такие телеги громадные, чтобы их в три и четыре лошади таскать? – дивился Николай Иванович. – У нас телеги в одну лошадь.

---

¹²⁶ Саженный — очень большой (сажень равнялась 2,13 м).

¹²⁷ Нет, у нас, в Петербурге, по главным улицам этим дубинам ездить не позволяют. – На центральных улицах столицы (Невский проспект, Большая Морская улица, набережные и др.) движение тяжелых ломовых подвод было ограничено.

– Большие телеги тоже экономии, – отвечал швейцар. – Каждой маленькой телега в одна лошадь нужно один извозчик, и к большая телега в три лошадь тоже нужно один человек. Большая телега везет столько, сколько везет три телега, – и вот два человек, два извозчик в экономии. Эти извозчик могут работать другое дело.

– Ой, ой, ой, как рассуждают! Глаша, слышишь?

– Да уж слышу, слышу. Дай шляпки-то дамские мне посмотреть.

Глафира Семеновна в это время остановилась около модного магазина.

– Вот наш знаменитый аквариум, – указал наконец швейцар на подъезд, освещенный электричеством. – Пожалуйста наверх.

– Как наверх? Да разве у вас аквариум-то не сад? – удивился Николай Иванович. – У нас в саду.

– Как возможно в саду! Тут есть такие рыбы и амфибии, что им нужно теплый цонне...¹²⁸ теплый климат... Вы пальто снимите и отдайте. Будет жарко.

– Снимем, снимем. Ну поднимайся, Глаша. А я думал, Франц, что у вас в аквариуме этот... как его?.. Вот что к нам-то приезжал... Штраус¹²⁹, вот кто, – вспомнил Николай Ива-

---

¹²⁸ Зона.

¹²⁹ *Штраус Иоганн* (1825–1899) – австрийский композитор, дирижер и скрипач, «король вальса»; в 1856–1865 гг. давал концерты в Павловском вокзале (концертном зале).

нович. – Я думал, что у вас в аквариуме Штраус, – продолжал он.

– Штраус на Зоологический сад¹³⁰... Там и штраус, там и жираф, там и гиппопотам, там и ваш русский ейсбер – ледяной медведь.

Супруги взяли билеты и в сопровождении швейцара вошли в аквариум. Направо и налево стеклянные резервуары с плавающей в воде рыбой. Николай Иванович взглянул мельком и сказал швейцару:

– Ну мимо! Чего тут простых-то рыб рассматривать! Этого добра у нас в Петербурге в каждом трактире в садке много плавает. А ты води к ученым рыбам, которые вот музыку-то играют.

Швейцар покосился на него и повел дальше. Показался террариум с черепахами.

– Вот тут шильдкрете, – указал он.

– Черепахи? – заглянула Глафира Семеновна, сморщилась и проговорила: – Фу, какая гадость! Ведите скорей нас к эстраде-то.

Швейцар опять покосился. Он недоумевал, отчего это путешественники пришли в аквариум и ни на что смотреть не хотят.

– Сейчас будут знаменитый орангутанг и горилла, – сказал он.

– Это то есть обезьяны? – спросила Глафира Семеновна. –

---

¹³⁰ Штраус на Зоологический сад... – Каламбур; нем. Strauss – страус.

Не надо, не надо нам обезьян. Ну что на них смотреть! Эка невидаль! Вы ведите нас скорей к этому... Как вы его назвали-то? Да... Амфибиен... Ведите туда, где этот Амфибиен играет. А здесь и публики-то нет.

— Мадам хочет амфибиен смотреть? — улыбнулся швейцар. — А вот многие дамы не любят на амфибиен смотреть. Вы храбрый дама... Вот начинаются амфибиен, — указал он на бассейн. — Тут крокодилен...

Глафира Семеновна так и шарахнулась в сторону, увидав выставившуюся из воды голову крокодила.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — заплевалась она. — И как вам не стыдно на такую гадость указывать! Мы вас просим, чтобы вы нас к Амфибиену вашему вели, а вы, как назло...

— Да ведь это амфибиен и есть... — начал было швейцар.

— Дальше, дальше, Франц! Что это в самом деле! Тебе русским языком говорят, что мы не желаем этой дряни смотреть! — крикнул Николай Иванович.

Швейцар недоумевал.

— Мадам просить амфибиен...

— Ну так и веди к нему! А ты каких-то ящериц да лягушек показываешь.

Сделали еще поворот.

— Вот, — указал швейцар.

За стеклом из-под камня выставилась громадная змея, обвила сук дерева и, поднимая голову, открывала пасть. Увидав ее, Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и бро-

силась к мужу:

– Коля! Голубчик! Уведи меня скорей!.. Не могу, не могу... Ты знаешь, я змей до страсти боюсь... У меня руки, ноги трясутся. Мне дурно может сделаться.

Она вся нервно тряслась. На глазах ее показались слезы.

– Хер Франц! Да будет ли этому конец! Что это за безобразие! – закричал Николай Иванович на швейцара. – Тебе русским языком сказано, что не хотим мы смотреть этой дряни! Тысячу раз тебя просят, чтобы ты нас на музыку вел, а ты, черт тебя знает, к чему нас подводишь!

– На какую музыку? – удивленно спросил швейцар. – Здесь никакой музыки нет.

– Как нет? Да ведь это аквариум?!

– Да, аквариум, но музыки нет.

– Как же может быть аквариум без музыки? Что ты нас морочишь-то! Везде аквариум с музыкой... Будто мы не понимаем! У нас в Петербурге тоже аквариум с музыкой.

– А у нас в Берлине без музык...

– Как же ты раньше говорил нам, что здесь музыка, что здесь даже ученые рыбы играют, что здесь какой-то ваш немец Амфибиен оркестром дирижирует.

– Никогда я этого, ваше превосходительство, не говорил.

– Глаша! И он еще мне смеет врать в глаза!

– Говорили вы, говорили. Мы даже сейчас вас спросили про Штрауса, а вы сказали, что Штраус дирижирует в Зоологическом саду, а здесь Амфибиен, – подхватила Глафира

Семеновна.

– Мадам, вы меня не так поняли. Никогда я про музыку не говорил. Амфибиен – звери: крокодилен, змеи; штраус тоже звери – птица.

– Что вы мне про Штрауса-то зубы заговариваете? Штраус дирижер, капельмейстер – музыкант, композитор. Я сама его вальсы на фортепьянах играю.

– Ах да, да... Но тот Штраус не в Берлин, а в Вене. А я вам говорил про штраус-птица.

– Ну переплет! Нет, Неметчина нам не ко двору! – прошептал Николай Иванович. – Даже и по русски-то говорим, так друг друга понять не можем. Так нет в здешнем аквариуме музыки? – спросил он швейцара.

– Нет, нет. Здесь звери. Амфибиен тоже звери.

– Никакой музыки нет?

– Никакой.

– Так на кой же шут ты нас, спрашивается, привел сюда? На кой же шут я зря три немецких полтинника в кассе отдал, да еще за хранение платья заплатил! Веди назад!

Швейцар пожал плечами и поплелся к выходу. Сзади следовали Николай Иванович и Глафира Семеновна.

– Ведь ты знаешь, что я не могу смотреть на змей... Когда я увижу змею, у меня делается даже какое-то внутреннее нервное трясение и я становлюсь больна, совсем больна, – говорила она мужу.

XVI

– Куда ж теперь? – спрашивал Николай Иванович Глафиру Семеновну, выходя из аквариума на улицу.

Сопровождавшей их швейцар хотел что-то сказать, но Глафира Семеновна раздраженно воскликнула:

– Никуда! Решительно никуда! С меня и этого удовольствия довольно. Прямо домой, прямо в гостиницу, и завтра с первым поездом в Париж. Не желаю больше по Берлину ходить. А то опять вместо музыки на какую-нибудь змею наскочишь. Достаточно. Будет с меня... Угостили в аквариуме... Ну что ж вы стали! Ведите нас обратно в гостиницу! – обратилась она к швейцару.

– Я хотел предложить для мадам...

– Ничего мне предлагать не нужно... Прямо в гостиницу...

– Глаша! Но зайдем хоть в какую-нибудь биргале пива выпить, – начал Николай Иванович.

– Пива в гостинице можете выпить.

И Глафира Семеновна пошла одна вперед.

– Не туда, мадам. Не в ту сторону... В гостиницу направо, – сказал швейцар.

Она обернулась и переменила направление. Николай Иванович и швейцар шли сзади.

– А какое веселое место-то я вам хотел указать, – шеп-

нул швейцар Николаю Ивановичу. — Там поют и играют, там можно и поужинать.

— Глаша! Вот Франц хочет какое-то место показать, где поют и играют. Там бы и поужинали, и пива выпили.

— Опять с змеей? Нет, уж благодарю покорно.

— Никакой там змеи нет. Там поют и играют. Там шансонеттен и оперштюке... Там танцы... Там хороший кухня и можно хороший ужин получить, — продолжал швейцар.

— Чтобы змеи наестся? Давеча живую преподнесли, а теперь хотите жареную... Спасибо!

— Уговорите ее, монсье, вашу супругу... Место очень веселое... Красивые женщины есть, — шепнул швейцар.

— Нет, уж теперь закусил удила, так ее не только уговорить, а и в ступе не утолочь, — отвечал Николай Иванович. — Веди домой и заказывай ужин для нас.

Через четверть часа они были дома. Глафира Семеновна с сердцем сбросила с себя ватерпруф, шляпку, села в угол и надулась. Николай Иванович взглянул на нее и покачал головой. Швейцар подал ему карту кушаний и отошел к стороне. Николай Иванович повертел ее в руках и сказал:

— Я, брат, по-немецки ежели написано, то гляжу в книгу и вижу фигу, так уж лучше ты заказывай. Глаша! Ты чего бы хотела поесть? — обратился он к жене.

— Ничего. У меня голова болит.

— Нельзя же, милый друг, не евши. Завтра рано утром поедem в Париж, так уж не успеем до отправления поесть. В

котором часу, Франц, идет поезд в Париж?

– В восемь часов утра. Вам придется на Кельн ехать, и там будет пересадка в другие вагоны. В Кельн приедете вечером и только в Кельне можете покушать, а до Кельна поезд нигде не останавливается больше двух-трех минут.

– Ну вот видишь, Глаша; стало быть, тебе необходимо поклевать с вечера, – уговаривал Николай Иванович жену. – Скажи, чего ты хочешь, – вот Франц и закажет.

– Спасибо. Не желаю змей есть по его заказу.

– Ах, мадам, мадам! И как это вы эту змею забыть не можете! – начал швейцар. – Разве я хотел сделать вам неприятное? Я не хотел. А что змея, так это аквариум. Аквариум не может быть без крокодил и змея, рыбы и амфибиен...

– Врете вы, может. У нас в Петербурге есть «Аквариум» без крокодила и без змеи. Даже и рыбы-то нет. Плавает какой-то карась с обгрызенным хвостом да две корюшки¹³¹ – вот и все.

– Ну это не настоящий аквариум.

– Врете. Самый настоящий. Ваш же немец там оркестром

---

¹³¹ У нас в Петербурге есть «Аквариум» без крокодила и без змеи. Даже и рыбы-то нет. Плавает какой-то карась с обгрызенным хвостом да две корюшки... – Изначально в петербургском «Аквариуме» на нижнем этаже находился отдел речных рыб (аквариум) с разными рыбами, от невской корюшки до огромных стерлядей и осетров. В верхнем помещении «Аквариума» находился террариум с ящерицами и саламандрами. После перестройки 1889 г. эти отделы были ликвидированы.

дирижирует¹³².

– Поешь что-нибудь. Полно козыряться-то, – сказал Николай Иванович.

– Да ведь гадостью какой-нибудь немецкой накормят. Вот ежели бы щи были.

– Есть щи, Франц?

– Нет, щей здесь не бывает. Щи – это только в России.

– Ну тогда нельзя ли дутый пирог¹³³ с рисом и с яйцами и с подливкой? Здесь я, по крайней мере, буду видеть, что я ем.

– Пирог, мадам, русский кушанье. Здесь в Берлин это нельзя.

– Все нельзя, ничего нельзя. Ну так что же у вас можно?

– Хочешь, Глаша, сосиски с кислой капустой? Сосисок и я поел бы... А уж в Берлине сосиски, должно быть, хорошие – немецкая еда.

– А почему вы знаете, чем они здесь начинены? Может быть, собачиной.

– Я, мадам, могу вам сделать предложение майонез из рыба.

– Нет, нет, нет. Ничего рубленого. Вместо рыбы змею подсунете.

– Опять змею? Нет, мадам, здесь змея не едят.

---

¹³² *Ваш же немец там оркестром дирижирует.* – Дирижером симфонического оркестра петербургского «Аквариума», в состав которого входило более 50 музыкантов, был немец Ф. Энгель.

¹³³ *Дутый пирог* (воздушный, вздутый, битый) – пирог со взбитыми сливками, похожий на мягкий зефир или суфле.

– Ну, так угря подсунете. Та же змея.

– Она и стерлядь не ест. Говорит, что змея, – сказал Николай Иванович и спросил швейцара: – Ну можно хоть селянку-то на сковороде сделать?

– И селянки я есть не стану, – откликнулась жена. – Что они тут в селянку наворотят? Почему я знаю! Может быть, мышь какую-нибудь. В крошеном-то незаметно.

– Ну поросенка заливного под сметанным хреном. Возможно, Франц?

– Селянка и поросенок, монсье, опять русский кушанье, – дал ответ швейцар.

– Тьфу ты пропасть! Опять нельзя! Даже поросенка нельзя! Ведь поросенок-то свинина, а вы здесь, немцы, на свинине и свиных колбасах и сосисках даже помешались. Прозвище вам даже дано – немецкая колбаса.

– Верно. Я знаю. Я жил в России. Но поросенки здесь не кушают. То есть кушают, но очень мало.

– Отчего?

– Экономии. Поросенок может вырасти в большая свинья. Свинья большая кушают.

– Глаша! Слышишь? Опять экономия! – воскликнул Николай Иванович. – Ну немцы! Слышишь, Франц, зачем вы умираете-то? Вам и умирать не надо из экономии. Ведь хоронить-то денег стоит.

Швейцар улыбнулся.

– Можно, по крайней мере, у вас хоть ветчины с горошком

достать? – спросила наконец Глафира Семеновна швейцара.

– Это можно, мадам. Ветчина с горохом и с картофель и с русский зауэркол, с кислая капуста.

– Ну так вот ветчины. Ветчины и бульон. Бульон можно?

– Можно, мадам.

– Да вали еще две порции телячьих котлет да бифштекс, – прибавил Николай Иванович. – Надеюсь, что это можно?

– Можно, можно, но только бараний котлет, а не телячий.

Телячий нет в карта.

– Тоже экономии? – спросил Николай Иванович.

– Экономии, – улыбнулся швейцар.

– Ах, черти, черти жадные! Ну вали бараньи котлеты.

Цыпленком нельзя ли, кроме того, позабавиться?

– Можно, монсье.

– Так пару цыпят. Да пива, пива побольше. Нельзя ли в какой-нибудь большой кувшин его налить?

– Можно, можно, – кивал головой швейцар и спросил: – Все?

– Чего же еще больше? И этого довольно. Или нет. Закажи, брат, мне порцию сосисок немецких. Хоть они, может быть, у вас и собачиной копченой набиты, а все-таки хочется попробовать... Жена есть не будет, а я съем. Нельзя быть в Немецтине и немецких сосисок не попробовать! Вот жаль, что у вас тут простой русской водки нет.

– Кюмель есть, – отвечал швейцар.

– Сладость немецкая. Какая это водка! Ну да уж вели по-

дать, делать нечего.

Ужин был заказан. Через час его подали в номер. Николай Иванович был голоден и принялся его есть так, что у него только за ушами трещало, а потом навалился на пиво. Ела с большим аппетитом и Глафира Семеновна.

Часа через два Николай Иванович, изрядно пьяный, лежал на постели и бормотал:

– Слава Богу, завтра в Париж. Ужаси как надоела Немецчина.

XVII

Утром Николая Ивановича и Глафиру Семеновну разбудили рано, еще только свет брезжил. Тотчас же появился кофе, тотчас же швейцар Франц принес счет за пребывание в гостинице и сказал Николаю Ивановичу:

– Ежели, ваше превосходительство, хотите к первому поезду попасть, то торопитесь: без семи минут в восемь отходит.

– Скорей, Глаша, скорей!.. – засуетился Николай Иванович и принялся расплачиваться. – Ой, ой, какой счет-то наворотили! – воскликнул он, увидав в итоге счета цифру 38.

– Да ведь это, господин, тридцать восемь марок, а не рублей, – заметил швейцар.

– Еще бы за одну-то ночь тридцать восемь рублей! Пьянством и буянством не занимались, вина не пили, сидели толь-

ко на пиве да вашей немецкой стряпни поели. Бифштекс-то, брат, был наверное из лошадки. Им можно было гвозди в стену вколачивать.

– Что вы, господин... У нас кухня хорошая, провизия первый сорт.

– Какой бы сорт ни был, а 33 полтинника за еду и за пиво ужас как дорого. Ведь комната-то всего пять полтин стоит.

– Нет, монсье, за кушанье меньше. Тут в тридцати восьми марках пять марок за комнату, две марки за сервис...

– Как, и за сервис у вас берут?

– Везде берут.

– Глаша! Смотри-ка, за сервис, на котором мы ели, взяли.

Ну немцы!

– Это значит – за прислугу, – пояснил швейцар и продолжал: – Четыре марки за меня, что я вчера вечером вашим проводником был, – это значит одиннадцать марок, марку за свечи, марку за лишнюю кровать для вашей супруга...

– Как за лишнюю? Да разве моя супруга лишняя? Глаша! Слышишь? Тебя за лишнюю считают! – воскликнул Николай Иванович.

– Позвольте, господин, позвольте. Комната считается всегда с одной кроватью, а ежели вторая кровать, то и лишняя марка. Итак, вот вам тринадцать марок! Да за омнибус со станции и на станцию четыре марки – семнадцать, стало быть, за суп всего двадцать один марк, – сосчитал швейцар.

– Фю-ф-фю! – просвистал Николай Иванович. – Тридцать

восемь полтин за одну ночь. Ловко, Глаша! Ведь этак тыся-
чи-то рублей далеко не хватит, на которую мы хотели в Па-
риж на выставку съездить и обратно домой приехать.

– Да уж рассчитывайся, рассчитывайся! Чего тут торго-
ваться-то! Все равно не уступят. Сам меня торопил, а теперь
бобы разводишь, – сказала Глафира Семеновна.

– Дай поругаться-то за свои деньги. Ах вы, грабители, гра-
бители! А еще говорят, что немецкая жизнь дешевая. Нет,
верно, вы об вашей «экономии»-то только для себя толкуете.
Разбойники вы, Франц. Ну на, получай тридцать восемь пол-
тин и вези на железную дорогу.

Николай Иванович звякнул по столу золотыми монетами.

– Шесть марок вы еще мне на чай обещали, ваше пре-
восходительство, так прикажете тоже получить? – заметил
швейцар.

– За что? Ведь сам же ты говоришь, что за тебя четыре
марки в счет поставлено.

– Четыре марки наш готел поставил, а вы мне обещали,
чтоб я вас в поезд посадил, чтоб вам не перепутаться. Сна-
чала вы три обещали, а потом опять три.

Николай Иванович вздохнул.

– Ну получай, – сказал он. – А только, Бога ради, посади
нас в такой поезд, чтоб уж нам не путаться и прямо в Париж
ехать без пересадки.

– Такого поезда нет, монсье. В Кельне вам все-таки при-
дется пересаживаться в французские вагоны. В Кельн вы

приедете вечером, два часа будете сидеть на станции.

– Ну, значит, пиши пропало. Опять перепутаемся! – иронически поклонился Николай Иванович. – Глаша! Слышишь? В каком-то Кельне придется еще пересаживаться.

– В французские вагоны – так ничего. По-французски я могу разговаривать, французских слов я больше знаю, чем немецких. Да, кроме того, у меня в саквояже французский словарь есть, – сказала Глафира Семеновна.

В половине восьмого часа утра супруги поднимались по лестнице в железнодорожный вокзал на Фридрихсштрассе. Швейцар сопровождал их.

– Да тут ли, Франц, туда ли ты нас ведешь? – сомневался Николай Иванович. – Это, кажется, та же самая дорога, по которой мы сюда приехали. Смотри, как бы не перепутаться. Ведь нам нужно в Париж, в Париж.

– Та же самая дорога, но вы не беспокойтесь, – отвечал швейцар. – Здесь, в Берлине, куда бы вы ни ехали – все по одной дороге и все с одного вокзал.

Николай Иванович толкнул жену в бок и прошептал:

– Глаша! Слышишь, что он говорить? Кажется, он врет.

– С какой стати врать-то?

– Просто на смех путает. Ну, смотри: тот же самый вокзал, та же самая меняльная будка, те же железнодорожные рожи, что и вчера. Я просто боюсь ехать. Вдруг как опять в Кенигсберг покатишь! Хер Франц! ты не шути. Меня не проведешь. Это тот самый вокзал, к которому мы вчера из

Кенигсберга приехали! – возвысил голос Николай Иванович.

– Да, да, господин, но в Берлине можно с одного и того же вокзала в какой угодно город ехать. Здесь дороги кругом, вокруг весь Берлин... Сюда все поезд приходят и все поезд отходят. В 7 часов 53 минут вы сядете в поезд на Кельн.

– Да верно ли? – опять спросил Николай Иванович.

– Ах, Боже мой! Да зачем же мне врать? – пожал плечами швейцар.

– Что-то уж очень странное ты говоришь. Побожись, что не врешь.

– Ах, какой вы, господин! Да верьте же мне, ведь каждый день гостей из гостиницы отправляю.

– Нет, ты все-таки побожись.

– Ну вот ей-богу... А только напрасно вы беспокоитесь! У вас французские деньги есть ли на расход? Ночью вы перейдете немецкую границу, и вам сейчас французские деньги понадобятся. Вот здесь у еврея вы можете разменять на франки, – указал швейцар на меняльную лавку.

– Нужно, нужно. Русскую сторублевую бумажку здесь разменяют?

– Конечно разменяют. Давайте. А то в Кельне, так как вы не понимаете по-немецки, вас жида надуть могут. А уж меня не надуют. Я сейчас для вас и счет с фирма спрошу.

Николай Иванович дал деньги. Швейцар подошел к меняльной будке и вернулся с французскими золотыми и серебряными монетами и со счетом. Николай Иванович взгля-

нул в счет и проговорил:

– По тридцати девяти копеек французские-то четвертаки купили! Ловко! Вот грабеж-то! Вычистят нам полушубок за границей, ой-ой как вычистят! – покрутил головой Николай Иванович и прибавил: – Ну, да уж только бы благополучно до Парижа-то доехать, нигде не путаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.